

Владислав Выставной

Волшебный полигон Москва

Игра! Как много в этом звуке...

Владислав Валерьевич Выставной
Волшебный полигон Москва
Серия «Волшебный
полигон Москва», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156516

Волшебный полигон Москва: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»;

М.; 2007

ISBN 5-93556-852-7

Аннотация

Смешная, загадочная и немного страшная история о том, как всем известный город становится местом для таинственной Игры без правил, что ведут никому не известные маги, а может, и не маги вовсе?

Герои, на долю которых выпало стать Игроками, проходят через многочисленные самые невероятные испытания, пытаются понять: кому же понадобилось, чтобы Москва из столицы ядерной державы превратилась в гигантский волшебный аттракцион?!

Что может сотворить эта Игра с простым бродягой, со всесильными спецслужбами и олигархами, с органами власти и военными? Что могут противопоставить власть и богатство обыкновенному волшебству? Что будет, если самодовольную столицу накрыть большой стеклянной банкой?

Содержание

ПРЕДПРОЛОГ	5
ПРОЛОГ	8
Часть первая	31
-1-	31
-2-	36
-3-	50
-4-	67
-5-	77
-6-	85
-7-	96
-8-	105
-9-	117
-10-	134
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Владислав Выставной

Волшебный

полигон Москва

Максим понял, что находится в гигантской ловушке, что контакт сделается возможным только тогда, когда ему удастся буквально вывернуть наизнанку естественные представления, сложившиеся в течение десятилетий. По-видимому, это уже пытались здесь проделать, если судить по распространенному проклятью «массараки», что означало «мир наизнанку»...

А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Обитаемый остров»

ПРЕДПРОЛОГ

Она смотрела вниз и уже не ощущала страха. Все казалось слишком диким, чтобы просто бояться.

Вместо страха в судорожно хватающую разреженный воздух грудь хлынул коктейль из трудно совместимых чувств, в котором нашлось место ненависти и усталости, изумлению и равнодушию, отчаянию и какому-то противоестественному восторгу.

Если бы кто-то мог вот так запросто, будто птица, пролететь мимо – он не поверил бы увиденному. И, может, задал бы себе вопрос:

«Зачем ЭТО???»

Какому безумцу пришло в голову привязать девушку к самой верхушке Останкинской телебашни?!

Но никто не будет пролетать мимо. И дело не только в том, что здесь, в искаженном темными силами мире, с детства знакомая башня кажется во много раз выше, чем привыкли видеть и без того не мало повидавшие москвичи.

Просто теперь это место закрыто для простых смертных.

По крайней мере – на время.

Время... Нет ничего в этом мире более лживого, чем время. Можно прожить невероятно длинную жизнь, и как-то вдруг с изумлением обнаружить, что, вот – только вчера ты катался на санках с друзьями-мальчишками, – а теперь при-

шел срок подводить черту...

А можно всего один час своей жизни ощутить, как целую вечность...

Нужно лишь, чтобы тебя приковали к стальному штырю на высоте нескольких километров над землей и под вой ледяного ветра мерно раскачивали из стороны в сторону, швыряя в лицо пригоршни ледяной воды и колючего снега...

В один из моментов, почти теряя сознание, она поймала себя на нелепой мысли: «А ведь это могла бы быть забавная разновидность городского экстрима». И даже попыталась улыбнуться. Но своего замерзшего лица она уже не чувствовала, а потому улыбка не получилась.

Далеко внизу вокруг башни кружили орлы. Совсем недавно, в потоках восходящего воздуха, они поднялись сюда и сделали несколько неспешных кругов, с удивлением рассматривая пленницу. Но ветер, снег и разреженный воздух прогнали птиц вниз – туда, где по удивительным законам этого мира, как ни в чем не бывало, светило солнце.

Она хотела верить в то, что происходящее с ней – всего лишь эпизод странной игры таинственных сил, остановивших для собственного развлечения привычных ход событий.

Но как это объяснить своим затекшим рукам, своему телу, которое изнемогало от холода и боли? Как понять, что этот кошмар происходит именно с тобой, в привычном с детства городе?

Видимо, понимания от нее не требовалось. Она нужна бы-

ла здесь для другого...

Но для чего?

Какая ей разница? Неужели понимание смысла происходящего может хоть чем-то ей помочь?! Нет, ее не спасет даже немедленное освобождение от пут – ведь за таким «освобождением» последует лишь последний, хотя и довольно долгий, полет вниз.

Ее может спасти только кто-то другой. Тот, кто найдет способ и силы подняться на эту невероятную высоту.

Но как?! И кто решится, преступив смертельный запрет, подняться сюда?!

Кто?!

...И вдруг, несмотря на лютую стужу и медленно уходящее тепло, ее тело обдало еще более страшным холодом.

Она знала – кто!

Она не пленница орлов и не жертва маньяка. Она не экзотическое украшение Башни Смерти кровожадного властителя.

Она просто приманка.

ПРОЛОГ

Славе приснился сон.

Будто он – великий волшебник, которому подвластны все люди, что живут на Земле. Только вот беда – не знает он, что ему с этими людьми делать. Ведь все идут к нему со своими проблемами, и он, конечно же, решает их с удовольствием и играючи.

Но людей становится все больше и больше, и от их проблем уже голова идет кругом.

И вот он, наконец, поднапрягшись, как следует, решает все людские проблемы разом!

Но, вот незадача: просьб и жалоб почему-то тут же становится в десять раз больше!

И отчаявшемуся волшебнику Славе уже свет не мил, хочется только одного – стать обычным человеком...

Но он не может: на кого же ему оставить несчастных людей?..

Слава проснулся, услышав визг тормозов.

Поморгав слипшимися веками и помотав головой, чтобы прийти в себя, Слава понял, что мчится на скорости 120 километров в час по встречной полосе. Машины шарахались от него во все стороны, а водители грозно потрясали вслед кулаками.

Облившись волнами холодного пота, Слава вернул свою «шестерку» на подходящую полосу.

«Однако не стоит так расслабляться», – рассеянно подумал Слава.

А ведь это – всего лишь трасса. С такой невнимательностью в столице ему грозят куда большие неприятности. Там никто не посмотрит на толстую «прямоточную» выхлопную трубу, широкие колеса и весь любовно наведенный околоспортивный «тюнинг» его «старушки».

Вообще, дернул же его черт поехать на машине! Сидел бы себе спокойненько в автобусе, дремал, да смотрел бы свои странные сны...

Вон, кстати, и МКАД уже показалась. Включим-ка музыку, чтоб взбодриться. Что там у нас? Ага – нетленные «Химические братья». Ну-ка, врубим по полной!

– Вот, черт! Нет, ну надо же...

Слава едва успел заметить примостившуюся за каким-то придорожным ларьком машину ДПС и вдавить педаль тормоза, как тут же, словно чертик из шкатулки с сюрпризом, на обочину выскочил гаишник и, сделав выпад своей полосатой шпагой, звонко засвистел.

Славе не оставалось ничего другого, как свернуть на обочину. С упавшим сердцем он принялся хлопать себя по карманам в поисках «сотенной», в предвкушении унижительно-заискивающих переговоров.

Когда он с виноватой миной на лице вылез из машины,

к нему уже неспешно подходил невысокий одутловатый инспектор.

– Тэк... Инспектор ДПС Горемыкин, – представился гаишник. – Скорость превышаем, «сплошную» пересекаем... Пройдемте-ка к нашей машине.

– А может как-то так... – забормотал Слава. – Как-то так решим... Так как-то... Сразу... На месте как-нибудь... Без протокола... Ну, так как-то, чтобы без этих, без всяких...

Инспектор с сомнением осмотрел Славу с головы до ног. Театрально вздохнул и задумчиво закатил глаза, будто производя мысленный расчет размера Славиной ответственности. Затем снисходительно улыбнулся и собрался было что-то произнести.

Как вдруг...

...В глазах у Славы потемнело, и он услышал хлесткий звук, словно в небе лопнула гигантская нейлоновая гитарная струна. Когда зрение вернулось, осталось удивительное ощущение, будто краски в окружающем мире стали ярче, а воздух насытился озоном...

Судорожно вздохнув, Слава вновь обратил свой взор на гаишника.

И заорал.

Было от чего. Гаишник с застывшим на лице удивлением медленно оторвался от земли и воспарил на высоте двух метров, расправив за спиной огромные стрекозиные крылья и подымая вокруг ветер да тучи дорожной пыли. На глазах по-

трясенного нарушителя инспектор ДПС Горемыкин постепенно, целиком, с головы по каблуки форменных ботинок, покрывался поперечными черно-белыми полосками.

– Взятку мне предложить хотели? – с укоризной в голосе произнес Горемыкин и покачал головой. Его мертвенно побледневшее лицо пересекала теперь широкая темная полоса. – Как не стыдно, юноша! Человек должен творить только добрые дела – и тогда воздастся ему по заслугам...

Гаишник взмахнул полосатым жезлом, из которого вдруг потоком заструились искры, и Славина «шестерка» невообразимым образом затрещала, заскрежетала, будто распираемая изнутри, принялась менять цвет и...

...превратилась в тыкву.

Слава в изнеможении сел на землю. Он не мог прийти в себя. Происходящее воспринималось, как конечная стадия тифозного бреда.

Раздался характерный вертолетный стрекот, и к инспектору Горемыкину подлетел уж сплошь полосатый и весьма пузатый капитан. Булгаковскому морфинисту он мог бы напомнить гигантского шмеля.

– Друг мой, – менторским тоном произнес тот, обращаясь к Горемыкину. – Я думаю, это будет хорошим уроком для молодого человека. А теперь – отпустите его с миром... Пусть катится ко всем чертям...

Горемыкин козырнул, от чего его заметно повело в сторону, пожал плечами и взмахнул своим волшебным жезлом.

Тыква затрещала, и, раздувшись до кошмарных размеров, лопнула с отвратительным чавкающим звуком, оставив на своем месте сверкающую «ауди-ТТ» цвета голубой «металлик».

– Счастливого пути, юноша, – задушевно пропел капитан и протянул Славе отобранную у него пачку документов. Слава, стирая с лица остатки взорвавшейся тыквы, на трясущихся ногах подошел к своей новой машине, и буквально рухнул на сиденье. Когда, действуя совершенно машинально, он уже надавил на газ, сзади раздался гулкий зловещий голос:

– Но помни – если ты вовремя не поставишь машину на учет по месту жительства и не пройдешь техосмотр – она снова превратится в тыкву!

Рывками тронувшись с места, и делая нервные зигзаги, «ауди» скрылась в дали.

Сделав молчаливый круг над патрульной машиной, инспектор Горемыкин подлетел к капитану.

– Что это, черт возьми, происходит? – прохрипел Горемыкин и потрогал полосатой ладонью свой лоб.

– Не ругайтесь, друг мой, это неэтично, – скривился капитан и почесал затылок жезлом, из которого тут же посыпались на асфальт сверкающие искры. Благостное выражение сползло с его лица, уступив место недоумению:

– А хрен его знает, что происходит, екэлэменэ, блин!!!

Доехав до ближайшего перекрестка, уже за МКАД, Сла-

ва притормозил. И чуть не выбил головой лобовое стекло – настолько чувствительными оказались тормоза «ауди» по сравнению с его, «шестерочным».

Пережитое надлежало переварить и осмыслить...

Все в этой истории было, мягко говоря, странно. Начиная с этой внезапной командировки.

...Шеф вызвал его «на ковер» и долго в упор рассматривал, словно увидал впервые. При этом он зло кряхтел и пыхтел, раздувая ноздри, словно бык на корриде. Означало сие, что шеф не в духе, а, соответственно, не сулило Славе ничего хорошего.

– В командировку поедешь, – сквозь зубы процедил шеф. – В Москву. Сейчас получишь в кассе деньги под отчет – и чтоб духу твоего здесь не было.

– Э-э, – слегка опешил Слава. – А с какой целью командировка-то?

– Вот, – сказал шеф. – Возьмешь этот конверт и отвезешь по адресу...

И с ненавистью швырнул на стол пузатый конверт с жирно выведенным на нем адресом.

Это задание показалось Славе странным. Во-первых, не понятно, зачем кого-то отправлять с конвертом за тридцать верст, когда для этого есть почта. Во-вторых, к чему с таким дурацким заданием посылать юриста, у которого сейчас дел по горло, когда в конторе сидят пять водителей, что, зевая от безделья, скоро порвут себе челюстные связки?

Впрочем, может быть, в конверте сокрыта некая срочная конфиденциальная информация, которую шеф доверяет только ему. Или деньги... Хотя такого особого доверия к Славе со стороны шефа до сих пор не наблюдалось...

– На словах передать что-нибудь? – предусмотрительно поинтересовался Слава, чем, почему-то привел шефа в неистовство.

– Бери конверт! И езжай! Немедленно! – налившись краской, прохрипел шеф и принялся судорожно комкать лежавшие перед ним листки бумаги..

Опасаясь за жизнь руководителя, на лице которого отражались все признаки приближающегося удара, Слава выскользнул из кабинета и, пожав плечами, направился в кассу. Из-за директорской двери раздавались приглушенные ругательства.

Создавалось ощущение, что решение отправить Славу в Москву далось шефу непросто. Не хотел он его туда отправлять. Можно было даже подумать, что его просто заставили это сделать. Хотя кто? Зачем? Бессмысленной казалась сама постановка вопроса.

Но теперь, когда Слава задумчиво сидел на капоте своей (своей ли?) новой машины, свалившиеся на голову странности уже казались закономерностью.

Странно, например – почему в столице, в этом жутком котле людей и механизмов, сейчас такая тишина?

По спине у Славы пробежал холодок. Действительно – на

улицах – ни людей, ни машин...

И удивительно чистый воздух.

Можно было долго сидеть и рассуждать на тему странностей, включая порхающих чудесных гаишников, но вело это только к одному – к маразму. Поэтому Слава взял себя в руки и, с непривычки, чрезмерно «газанув», с небольшого заноса помчался по начертанному на конверте адресу.

Только сейчас до него дошел смысл этой корявой надписи, сделанной жирным черным маркером.

«У памятника с ракетой – возле ВВЦ, напротив гостиницы „Космос“.

Кому конкретно надлежало передать конверт, не говорилось.

Но теперь Славе было плевать на такие мелочи.

Он подъехал к безлюдной площадке под памятником, что когда-то должен был символизировать мощь человеческого разума, а теперь лишь удивлял странностью дизайна, уводящего к научной фантастике пятидесятих годов.

Поскольку Слава здесь был впервые, пустой пьедестал памятника Циолковскому его ничуть не смутил, так же, как и повернутые в его сторону удивленные головы космонавтов.

Слава вылез из машины и не очень уверенно направился в сторону памятника. Вокруг по-прежнему никого не было. Слава оглянулся на свою машину и не испытал подобающей радости от обладания таким симпатичным спортивным купе. Хотя, интересно – именно эта машина всегда была воплоще-

нием его несбыточных автомобильных желаний...

Вот ведь, каждый, наверное, мечтал о том, чтобы некая Золотая рыбка одарила его разнообразными материальными благами. Никто до сих пор не мог поделиться ощущениями от подобных чудес. Но, по крайней мере, для Славы все происходящие с ним странности представлялись пока в несколько кошмарном и неловком свете. Не более.

Слава рассеянно шарил взглядом по сторонам, в смутном ожидании, что кто-то подойдет к нему, заберет конверт и хоть как-то растолкует суть происходящего. Внезапно асфальт под ногами заходил ходуном, раздался гулкой подземный грохот, что немедленно перешел в истошный рев, и чья-то сильная рука схватила Славу за воротник куртки.

– Бежим отсюда! – крикнул этот кто-то, и Славу обдало невероятным жаром. Запахло паленым.

Отбежав на приличное расстояние, Слава обернулся и с изумлением увидел, как с верхушки изящно изогнутого постамента, символизирующего, очевидно, застывший инверсионный след, на тонком столбе голубого пламени уходит в небо маленькая сверкающая ракета. Вокруг постамента клубился густой белый дым, со свистом засасываемый в решетки канализации. Происшедшее смутно напомнило соответствующий эпизод из фильма «Солярис».

– К Марсу пошла, – задумчиво произнес рядом хриловатый голос. – Прости, немного задержался...

Голос принадлежал невысокому пожилому человеку в

кепке, здорово напоминающему небезызвестного мэра столицы.

– Вы... Кто? – запинаясь, спросил Слава. Если бы неизвестный представился ему Чертом, Славу это только бы успокоило.

– Хм... – задумался человек, – Это, смотря, с какой точки зрения...

Слава не удивился такому ответу. Как и тому, что у основания памятника со скрежетом откинулись дверки, и оттуда выехала копия только что улетевшей ракеты. Дверки захлопнулись, а ракета с цокотом поползла по пологой к пустующему месту на вершине пьедестала, словно вагонетка «американских горок» перед спуском.

Слава выжидающе смотрел на незнакомца.

– Я тот, кому вы должны были передать конверт, – ответил, наконец, человек, и, приподняв кепку, пригладил под ней редкую растительность. – Нет, не надо мне его совать! Это ваше!

– Как – мое? – недоуменно спросил Слава, беспомощно теребя в руках конверт. – Слушайте, а что вообще происходит, а?

– Пойдем лучше к тебе в машину, – сказал человек и, ухватив Славу за руку выше локтя, довольно настойчиво потащил к «ауди». При этом он, не задумываясь, уселся на водительское сиденье, а когда рядом осторожно сел Слава, громко цокнул и крикнул:

– Пшла, родимая!

«Ауди» совершала облет столицы на высоте около километра, а несчастный Слава, боясь смотреть вниз, с трудом впитывал новую для себя информацию.

– Видишь ли, дорогой друг, – говорил незнакомец, с умилением любуясь проплывающим пейзажем. – Мне не просто об этом тебе говорить, но... В конце-концов, тебе придется меня выслушать и поверить. Впрочем. Если тебе что-то не понравится, можешь просто выйти из машины...

Незнакомец тихонько рассмеялся собственному остроумию.

Слава, не оценил шутку и, насупившись, повторил свой первый вопрос:

– Кто вы? Как вас зовут?

– Вот уж манера, – пожал плечами человек. – Будто мое имя что-то объяснит... Ну, называй меня Мэр. В какой-то мере это так и есть...

– Почему вы не забрали конверт? – спросил Слава.

Мэр засмеялся.

– Нет, ты действительно тот, кто нам нужен! Не настаиваешь на глупых вопросах вроде «что же это творится во-круг?». Ты – прямо к делу. Это хорошо. Повторяю: конверт для тебя. А я просто должен прокомментировать его содержимое. Кроме того, его назначение в том, чтобы ты вообще приехал в Москву до старта.

– Старта чего?

– Старта Игры. Ладно. Давай по порядку. Только без лишних эмоций, договорились? Итак, первое, и самое существенное. Я думаю, ты в принципе обо всем догадывался, тем более, что во всех СМИ постоянно делают на это недвусмысленные намеки. В общем, уясни главное – вовсе не люди заправляют делами планеты Земля.

Мир, в котором вы привыкли жить – это всего лишь некий свод определенных правил, норм и принципов, которые установили для вас более сильные...

Мэр сделал паузу, давая возможность Славе переварить услышанное.

Видимо, неспроста разговор происходил в полете на том, что не могло летать в принципе. Видимо, какой-то постоянный веский аргумент должен был присутствовать живым примером в течение всей этой дикой беседы.

В этом смысле Слава и подумал. И счел нужным для начала промолчать.

– Так вот, – продолжил Мэр. – Время от времени в эти правила человеческой жизни приходится вносить изменения. Понимаешь – накапливаются ошибки и противоречия, которые могут привести к исчезновению вида...

– А почему, если самих себя к людям не относите... Ведь не относите, верно? Почему вы так о нас заботитесь? – поинтересовался Слава, поймав себя на мысли, что ни капли не сомневается в словах самопровозглашенного Мэра.

– Очень просто, – развел руками Мэр. – Мы не можем без вас, как и вы без нас. Вы, грубо говоря, просто кормите остальных, о существовании которых не подозреваете. Для того вы и были созданы...

– Что?!

– Да не волнуйся ты так! Все мы были кем-то когда-то созданы. Только с разными целями. Люди – с целями преимущественно прикладными. Однако ты ведь не будешь спорить, что и культурой, и самосознанием человечество никак не обделено? Мы стремимся к справедливости и предоставляем вам максимальную свободу воли. Но вся беда в том, что за людьми необходим постоянный присмотр. Это самое человечество, по до сих пор по непонятной причине, постоянно стремится тем или иным способом самоуничтожиться. Я думаю, доказательств последнего не требуется?

– Нет...

– И этого, конечно, мы допустить не можем. Поэтому время от времени корректируем направление событий...

И тут на сцену выходит Игра. Вы бы назвали это экспериментом. Но мы отличаемся от вас. И не столько физически, сколько по мировоззрению. Именно поэтому основа человечества – разум, наука. И религия как симбиоз веры и знания. А основа нашего – реального мира – чистый Дух. И магия, как его активная составляющая. Мы не можем одновременно заниматься противоположными вещами. Как и вы. Поэтому мы и нужны друг другу.

Дальше: практически вся Земля искусственно погружена нами в... скажем так... поле привычной людям реальности. Поле материализма. За исключением тех мест, где существует реальность подлинная. Там царит Дух. В чем и убеждаются те из вас, кто изредка попадает в такие места... А вы... Вы другие. Вы, знаете, конечно, что такое духовные ценности, но вам не дано управлять Духом. В интересах того, чтобы вы не распылялись на ненужные вам вещи...

– А почему вы решили?!... – возмущенно начал Слава, но Мэр жестом остановил его.

– Погоди, не перебивай. В те времена, когда возникает необходимость поиска нового пути, нам нужно свести наши реальности воедино. На время. Делаем мы это осторожно – в двух-трех точках планеты. Таких точках, где концентрация всего человеческого во всех его проявлениях максимальна. Здесь – это Москва. Территорию большего размера мы не смогли бы эффективно контролировать...

– Скажите, наконец: кто это – «мы»? – угрюмо спросил Слава.

– Мы? Скажем так – маги. Это понятие, придуманное для нас людьми. На самом деле, это не мы наделены необычными способностями. От природы все мы... хм... маги. Это как раз люди в общих интересах искусственно лишены наших способностей. Но об этом я уже говорил.

Так вот. Местом сведения реальностей становится большой город. Мегполис.

И здесь проводится Игра.

По результатам Игры подправляется направление развития человечества. Вспомни – античность, средние века, Возрождение, промышленная революция... Все это результаты коррекций по итогам Игр. А взять легенды о разнообразных чудесах... Игр было уже немало...

А сейчас Игра просто необходима. Процессы в человеческом обществе становятся все менее управляемыми...

– Так, выходит, если вам, конечно, верить, мы – просто чьи-то марионетки, чей-то рабочий скот? – сглотнув, неприязненно поинтересовался Слава. Рассказ Мэра начал вызывать у него смешанные чувства – нереальности, раздражения и обиды одновременно.

– Вот еще глупости, – чуть ли не обиделся Мэр. – Почему – скот? Ну, считай, что вы – наши дети. Причем такие, которым мы не мешаем жить, как им вздумается. Нам просто не хочется, чтобы вы перебили друг друга и свели «на нет» наши усилия...

– И все-таки неприятно слышать о том, что мы какие-то ущербные, будто кастрированные по сравнению с вами, – заявил Слава.

– Благодаря нам вы вообще есть на свете, – парировал Мэр. – Поверь, вы приобрели не меньше, чем потеряли – это закон жизни. Впрочем, это обсуждение того, что есть и что не может быть изменено мною и тобой. Таков порядок жизни на нашей планете и вам придется с ним считаться. Впрочем,

не многие узнают о реальном положении дел. Это никому и не нужно. Поговорим лучше о насущном. О самой Игре.

– В чем ее суть и каковы правила? – спросил Слава. Он решил не затягивать странную беседу. Она уже начала его утомлять, как и ненадежный полет на легковушке.

– Вот! Вот это и есть самое интересное! – обрадовался Мэр. – Люди не могут держать на нас обид. Потому что правила в этой Игре создают они сами. Единственное, что мы делаем – обеспечиваем техническую сторону дела, как вы любите говорить. Город изолируется от мира – я уже слышал термин ваших военных по поводу происходящего – Локализация. Мы же меж собой применяем другой термин – Полигон. Впрочем, больше ни от кого ты его не услышишь. Слишком уж это слово режет слух простым обывателям. Никто ведь не хочет жить на Полигоне – пусть даже для волшебных Игр. Так что, пусть будет Локализация. Кстати, – очень удачный термин! Уже несколько часов, как в город можно попасть, но нельзя из него выбраться до окончания Игры. По своей воле нельзя, конечно...

И здесь, на территории города во время Игры действует подлинная реальность. Люди назвали бы ее магической. В какой-то мере это так и есть. И в эту реальность извне попадают обыкновенные люди. Разумеется, только те, которых решено впустить сюда. В качестве Игроков.

– Что это все означает?

Мэр задумался на секунду и засмеялся. Видимо, ему

представлялись весьма забавные картины.

– Это означает, что Игроки из вашей реальности попадают в пространство, где действуют законы духа, магии. Ну, если хочешь – Москва стала... Волшебной страной...

– А Кремль – Изумрудным городом? – желчно поинтересовался Слава, чем вызвал у Мэра поток заливистого смеха.

– Нет, ну ты сказал!... Ой, не могу.... Да! А ведь действительно... Ха-ха... А президент – это Гудвин! Великий и ужасный! Ха-ха...

Мэр вволю нахохотался, вытер платочком проступившие слезы и продолжил:

– Молодец, Слава! Ты мыслишь в верном направлении. Только путаешь магию и сказку. «Волшебной» эта маленькая страна станет лишь для непривычных к магии людей... Здесь все будет пронизано магическим Духом, который стоит выше людей и даже магов... Впрочем...

Мэр на миг задумался и провозгласил:

– Что ж... Да будет так! Отныне – на период Игры – это место будет зваться Волшебной Москвой. Чтобы не было двусмысленностей в понимании происходящего. Просто и понятно. И, по сути, верно... А разговоры про Полигон – пусть останутся между нами, ладно?

– Так в чем это «волшебство» будет выражаться?

– Ну, например, в том, что в каждом почти жителе города явственно проявится его подлинная сущность. Ну, на лице просто будет написана, если хочешь. Здесь нельзя будет так

просто скрыть добро и зло. Хотя и это возможно при определенных ухищрениях. А кого-то сразу же постигнет наказание за зло, нанесенное Духу, и эти люди всю Игру должны будут отрабатывать причиненное зло добром...

– Как эти гаишники? – осенило Славу.

– Кто? – прищурился Мэр.

Слава рассказал о своей странной встрече на дороге, и Мэр снова расхохотался.

– Ну и ну! Великий Дух! Он сделал из доблестных сотрудников ГАИ самых настоящих добрых фей! Более наглядной кары за их грешки никто не смог бы придумать! Bravo! Вот тебе и пример!

– А что же Игра? – нетерпеливо спросил Слава. – Что делать-то надо?

– Вот. Вот мы и подошли к сути. Никто заранее не знает, что надо делать в каждой отдельной Игре. Это должен решить в процессе игры один единственный человек.

– Кто?

– Ты!

– Я?!

– Да. Ты будешь Магистром правил. Твоя задача – устанавливать правила Игры.

Слава тряхнул головой, пытаясь привести в порядок мысли, но те продолжали хаотически метаться внутри головы, не складываясь во что-то осмысленное.

– Но как...

– Слушай и не перебивай. Ты создаешь правила. Как – сказано в твоей Грамоте Магистра правил. Она у тебя в конверте. Правила действуют только для Игроков. Игроки – это те, кто попадет в город извне после начала Локализации. Их отберет Арбитр. Он же установит и цель Игры. В каждой Игре она своя...

– Арбитр? Это еще кто?

– Тот, кто будет наблюдать за вами. Видишь телебашню?

– Останкинскую?

– Да. Он там. Это – запретное место для всех. В том числе и для тебя. И еще: никто не должен знать, что ты – Магистр правил. Иначе ты будешь наказан... И Игра может затянуться надолго. Что тоже не очень-то приятно. Особенно для простых жителей города.

– Ничего себе! Я вообще-то, не давал еще своего согласия...

– Его у тебя никто и не спрашивает. Быть Магистром правил – обязанность, а не привилегия. Так же, как и быть Арбитром... На тебя пал выбор – ты специально был взят из-за пределов города, таким, каков ты есть...

– Ну и каков я?

– Я этого не знаю. Ну, допустим, у тебя самое сбалансированное сочетание чувства справедливости, знания права, отсутствия чрезмерных амбиций и здоровой провинциальности...

– Чего?!

– Ничего. Коренной москвич на эту роль не подходит. Нужен свежий взгляд. Да и откуда мне знать, почему Дух решил именно так? Значит так надо. И вообще, я слишком много с тобой уже общаюсь, могу и нарушить чистоту Игры. Все, что тебе нужно, есть в конверте. Удачи!

Мэр подмигнул Славе, после чего открыл дверцу и шагнул в бездну. Мелькнуло вздувшееся пальто и сорванная ветром кепка. На губах Славы застыл немой вопль. А через миг, он почувствовал, что машина падает.

Слава в ужасе схватился за руль и принялся вертеть его, что, конечно, принесло не много пользы. В сознании вместо полагающихся в таких случаях значимых моментов жизни мелькнули кадры из «Бриллиантовой руки» с бессмертным Папановским «Сядем усе!».

– Тпру! Стоять, я сказал! – заорал Слава, вспомнив слова Мэра при взлете. Машина послушно затормозила падение, и, сделав крутой вираж, с мягким толчком замерла на твердой поверхности.

Слава вылез из машины, огляделся. И судорожно вздохнул

Машина, свесив одно крутящееся еще колесо, словно мальчишка ногу в кроссовке, стояла на крыше Мавзолея.

Красная площадь была пуста. Слава уже понял: никто не появится, пока он не даст Игре старт. Это понимание уже жило в нем. Осталось только вскрыть послание, которое, как оказалось, было адресовано именно ему.

Слава присел на краешек гранитной плиты и открыл конверт.

Внутри оказался сложенный вчетверо кусок пергамента или чего-то напоминающего пергамент в представлении Славы.

Читая текст, он сначала удивленно вскинул брови, затем нахмурился.

Это было странная Игра. Странная и унижительная. Все разговоры Мэра о ее пользе для спасения заблудшего человечества сводились «на нет» тем, что Игра эта была слишком жестока. Игра человеческими чувствами, а может, и жизнью.

Все это напоминало гигантское «реалити-шоу».

Какая насмешка! Москвичи, привыкшие, расслабившись и попивая сладкий чаек, наблюдать вполглаза за страстями запертых под прицелом камер людей, теперь сами оказались на гигантской съемочной площадке, за которой наблюдали неизвестные сильные мира сего... Только никто не предлагал наблюдаемым пройти кастинг...

Людей словно тестировали на сопротивляемость внешней, причем, чужеродной для них, среде. Понятно, почему это зрелище ханжески назвали Игррой. Эксперименты на мышах – тоже для кого-то забава...

Изложенная на пергаменте формула Игры своим хитро-сплетением неизменно сводила любые установленные Магистром правила к перемещению эпицентра испытаний и опас-

ностей на тех или иных Игроков. Опасностей не могло становиться меньше. Их можно было только множить.

Здесь явно крылся какой-то подвох, отвечать за который придется Славе. Или его совести.

Слава в отчаянии скрипнул зубами. Перед таким выбором стоять ему еще не приходилось.

Отказаться от роли Магистра правил – пусть даже ценой обещанного непонятного наказания своей персоны – не означало выхода. Это было бы просто переводом ответственности на другого.

Этого нельзя было допустить – надо было самому найти выход, такой, чтобы Игра не превратилась в какую-нибудь «войнушку» или «казаков-разбойников» с тяжкими последствиями.

Нет, маги знали, кого выбирать в магистры. Слава не мог просто отойти в сторону. Не мог. Не так, оказывается, он был устроен.

Слава замер и долго пребывал в состоянии угрюмой задумчивости. Создание правил было слишком жестоким упражнением для него. Постепенно в его душе созревало чувство ненависти к этим неизвестным «старшим братьям».

Он искал выход, угрюмо рассматривая старинные камни площади. Мысли его путались, то и дело, упираясь в унылые тупики. Казалось, все predetermined в этой Игре....

Рядом раздалось знакомое курлыкание. Слава обернулся. Из вентиляционного окна Мавзолея неуверенно выпрыгнул

голубь и, подергивая головой, уставился на незваного гостя глупым глазом.

Славу осенила необычная идея. И сразу же испугала. Ведь он уже слишком много знал о предстоящей Игре. Но в душе, кроме ненависти проснулся вдруг неведомый ранее азарт.

Слава криво ухмыльнулся и встал.

Он вскинул голову, глядя в ослепительно синее небо, и, как того требовала формула, громко заговорил:

– Арбитр, слушай меня! Властью Магистра, данной мне Великим Духом на время Игры в городе Москва, с этого момента, до введения Магистром окончательных правил, я устанавливаю следующее...

Часть первая

ЛОКАЛИЗАЦИЯ

-1-

Генерал смотрел на город в стереотрубу и не видел ничего такого, что хоть как-то иллюстрировало бы сложившуюся ситуацию.

Кто бы мог подумать еще вчера, что ему придется осматривать столицу взглядом то ли Наполеона, то ли недобитого немецкого главнокомандующего.

Ситуация была дурацкая и довольно страшенькая, если подумать. Прямой угрозы ни от кого пока не исходило, но государство вмиг оказалось в положении того петуха, что бежит по курятнику с отрубленной головой: столичные органы власти были напрочь отрезаны от остальной страны. Из регионов начали поступать робкие пока вопросы. На вопросы эти следовало отвечать либо попросту пресекать сами попытки их задавать. В стране в любую минуту могла начаться паника.

– Мать его так раз так! – выругался генерал и обернулся к подчиненным, которые нервно толпились, едва помещаясь в командирской палатке. – Что физиономии такие кислые?

Стоит столица, вон она, на месте стоит. Ни тебе стрельбы, ни дыма, ни паники. Так какого ж хрена разведка ничего сказать не может?

– Товарищ генерал, – заговорил бледный полковник, суетливо разворачивая на походном столе карту. – Разведка уже определила примерные границы Локализации...

– Локализации... – скривился генерал. – Придумали словечко – думают, сразу все на свои места стало? Что вообще представляет из себя эта «локализация», и где отправленные в город три разведроты? Вертолеты где?

– Так это... Не знает никто... Никакой связи нет, – развел руками полковник. – Консультанты говорят – это не нападение. Это какая-то природная или искусственная аномалия...

– А ну, давайте сюда этих консультантов! – приказал генерал. – И чаю мне покрепче. Чтоб мозги прочистило... Николаев! Как там кольцо оцепления?

– Почти замкнули! Никакого движения со стороны города нет, на радарх – вообще пустота...

– Спецсвязь с Верховным Главнокомандующим?

– Никакой...

– Что по ядерным силам? Как граница? ПВО?

– Усилен контроль, особые меры безопасности. Повышена боевая готовность на случай возможных провокаций. Весь комсостав, что был за пределами Москвы, обещал прибыть на совещание вовремя... И еще... Спецназ будет здесь через полчаса...

– Ладно... На них только и надежда... ГРУ пусть следит, чтобы ни один журналюга сюда не пронырнул. Не хватало, чтобы слухи поползли, что мы без президента остались...

– Так... Э... Упустили одного. Ушел туда, за МКАД. Только назад-то у него все равно не получится...

– Вот-вот. Весь вопрос в том – почему не получится. Вообще – бред какой-то с этой Локализацией... А это еще кто такие?

– Это они и есть. Консультанты.

Генерал восседал на массивном больничном стуле, свирепо прихлебывая чай из граненого стакана с подстаканником. Перед ним неловко топтались двое гражданских – бородастый седой мужчина в очках и потертой ветровке и длинный худой юноша во всем джинсовом и драном. Тоже в очках.

– Так что это у нас происходит со столицей-то, господа консультанты, а? – спросил генерал с таким видом, будто выполнял пустую формальность – эти двое своим лепетом не могли заменить полноценных разведданных.

– Можем сказать только одно: это не оружие. По крайней мере – не земное. Нет у нас таких технологий, – сказал седой и, сняв очки, принялся протирать их подолом куртки.

Молодой лишь закивал в ответ.

– А почему вы так решили? – спросил генерал. – У нас, скажем, нет, а у американцев, допустим, таких технологий хоть пруд пруди, а?

– Мы имеет представление о физических процессах и о

наших возможностях в этой сфере, – твердо заявил седой, – То, что материальные предметы не могут покинуть город, означает, что мы столкнулись с чем-то совершенно новым, о чем до сих пор не имели представления...

– Ну-ну, – покачал головой генерал. – То, что оттуда никто не возвращается, может говорить еще и о том, что всех там попросту умело удерживают. Либо убивают.

– А радиоволны и картинку для спутника тоже удерживают? – поинтересовался молодой. Довольно бесцеремонно поинтересовался.

– В смысле? – нахмурился генерал. Не нравилось ему такое вольное отношение к субординации.

– В том смысле, что мы не только не получаем из города никаких сигналов, но и на радарх не видим ничего, – дипломатично сказал седой, неодобрительно косясь на молодого, – Будто нет там города. Вообще.

– А ток в Москву как подавался, так и подается, – снова вставил молодой. – Только соответствующей энергоотдачи не фиксируется. И со спутников толком ничего не разглядеть – нечто мутное и размытое. И все. При абсолютно ясном небе. Это явно не земные технологии.

Генерал молчал, продолжая отхлебывать чай. Ложка в стакане каталась, издавая неприятный звук.

– И что советует серьезная наука? – спросил, наконец, генерал.

– Наша серьезная наука осталась в Москве, – криво усмех-

нувшись, ответил седой. – Надо вызывать специалистов из Европы, да и Америки, пожалуй. И отправлять туда. Добровольно, разумеется. И никаких военных, ни в коем случае...

– Отпадает, – отрезал генерал. – Никаких иностранцев. Это политика. Необходимо полностью пресечь самую возможность утечки информации. У нас в этой Локализации ядерный чемоданчик остался. Вместе с президентом. Так что разгребать это придется именно военным. А вы нам поможете...

– Я просто убежден, что применять силу против того, чего мы не знаем – смертельно опасно! – воскликнул седой.

– Все! Я сказал. У вас будет возможность пойти туда со спецназом и осмотреться, что называется, на месте. Разумеется, добровольно. Если эти ребята не смогут разобраться – не сможет никто. У вас есть время подготовиться и вызвать еще кого-нибудь из ученых...

В палатку ворвался адъютант с трубкой спутникового телефона в вытянутой руке.

– Товарищ генерал! Спецсвязь!

– Что, президент на связь вышел?!

– Д-да. Американский...

Тот мерзкий день закончился самым неприятным образом: Толика выставили с вокзала. Хорошо хоть не промассажировали дубинками. Но Толик был человеком покладистым и не стал препираться с властями. И все бы ничего, но в столице он был впервые, и куда направиться ночью – понятия не имел.

Было жутко холодно. А еще безумно хотелось спать. О том, чтобы прикорнуть где-то на скамейке в такой «дубняк», не могло быть и речи. Подъезды близлежащих домов все, как один, оказались запертыми на кодовые замки.

Ни одного свободного сарая, ни одной норы в стене: ото всюду смотрели на него злобные настороженные глаза. Столица встречала недружелюбно. Все стоящие места в ней уже были заняты. Сверху надменно взирали на него высотки, подсвеченные снизу, словно лицо шутника, решившего напугать кого-то в темноте с фонариком.

Оставался только один, не раз уже испробованный, но крайне неприятный вариант.

Тихо выругавшись, Толик присел и с кряхтением оторвал от асфальта чугунную крышку канализационного люка. Из черного провала повалил густой пар с характерным душком. Тем не менее, заглянув вовнутрь, Толик убедился: место – что надо.

Спустившись вниз, Толик задвинул за собой крышку и огляделся, постепенно привыкая к царящему здесь полумраку. Именно полумраку, так как неподалеку от люка в бетонный потолок была врезана массивная чугунная решетка: Толик оказался в «ливневке». Поскольку дождя не ожидалось, это обстоятельство не имело значения, тем более, что вдоль стены проходили теплые на ощупь трубы. Очевидно, тек по трубам кипятки, но теплоизоляция позволяла с комфортом разместиться на них на ночь.

Толик быстро уснул. Однако вскоре проснулся и полежал немного с открытыми глазами, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. И вскоре понял, что ему попросту не хватает воздуха. Вернее, воздух-то был, но прелый запах сырости стал вдруг невероятно раздражать.

Поворочавшись немного, Толик решил перебраться на бетонный уступ, под решетку.

Теперь прямо над ним был тротуар. Время от времени над головой раздавались звуки шагов. Это было громкое топание ботинок на толстой подошве, мягкий скрип кроссовок, волнующее цоканье женских каблучков. Изредка доносился шелест автомобильных шин. Над головой, сквозь решетку, надменно мерцали звезды. Толик зябко укутался в куртку и надвинул вязаную шапку на глаза. Холодный, но свежий воздух приятно щекотал ноздри.

И Толик уснул снова.

...Проснулся он от удара в грудь. Рывком сел, отчего боль-

но ударился головой о стык между решеткой и потолком. В ушах, на фоне неприятного звона, раздавался звук быстро, чуть ли не бегом, удаляющихся шагов.

Толик с сомнением ощупал себя, пытаясь разобраться, кто или что его ударило. И случайно смахнул с колен небольших размеров предмет.

Тот упал на цементный пол и с глухим стуком отскочил в темноту.

Толик, кряхтя, слез со своего бетонного постамента и принялся шарить по полу. Уже светало, поэтому, повозившись немного в пыли и засохшей грязи, он нашел то, что искал.

Это оказался сотовый телефон. Серебристый. Какой-то чересчур тяжелый.

Своего «сотика» у Толика никогда не было. В общем, он, наверное, и мог бы купить себе самый дешевый – но зачем? С кем ему говорить?

«Ничего себе, – подумал Толик. – Сразу видно – столица! Взяли и так запросто уронили мобильник в канализацию – да и, не останавливаясь, пошли себе дальше... Жируют, понимаешь...»

Мысль о том, что сотовый телефон могли попросту выкинуть за ненадобностью, в его голову придти, конечно, не могла.

Тем более, что, когда Толик присмотрелся повнимательнее, то понял: корпус телефона сделан из матового металла. Еще через секунду он осознал, что кнопки представляют со-

бой сверкающие гранями прозрачные камешки.

Сердце Толика забилося чаще.

Не может быть! Он слышал о таких телефонах! Но нет... Не мог в его руках оказаться телефон в корпусе из золота и бриллиантов стоимостью в несколько тысяч долларов!

Переведя дух, Толик решил пока считать, что ему просто показалось. Это, конечно же, обыкновенный телефон, только металлический и со стеклышками на кнопках.

Поэтому следовало перейти к изучению его устройства.

Ему не показалось странным, что телефон хозяин нес с собой выключенным. Да и, может, – не странно это вовсе. Тем более, что включить его не составило труда, а всякими секретными кодами хозяин себя не утруждал. Толик с интересом изучал функции телефона, делая для себя удивительные открытия. Был он парнем головастым, а потому довольно быстро разобрался в телефоне безо всякой инструкции. Он, как ребенок, радовался найденным в устройстве играм, открыв рот, слушал полифонические мелодии... А больше всего его потрясла встроенная в телефон камера. Впрочем, никаких фотографий или видеороликов хозяин ему не оставил, чем вызвал в Толике необъяснимое разочарование.

А еще в телефоне была обширная телефонная книга с великим множеством номеров и непонятных обозначений абонентов, вроде: «Ник.Ив.Дом», «Натал. Серг. Моб 2», «Контора», «Офф. Центр.» «инн232»...

В общем, пусть и встретила столица Толика неприветли-

во, зато сразу преподнесла дорогой подарок.

И хотя звонить ему было некому, с телефоном Толик почувствовал себя настоящим столичным жителем.

Вернуть телефон хозяину в голову ему придти также не могло, ибо, что бродяге в руки свалилось – то, значит, Бог послал...

... На этот день у Толика были планы. Во-первых, попытаться найти какую-нибудь шабашку, благо, добрые люди в Воронеже снабдили его контактами на паре столичных вокзалов, на кое-каких складах... Во-вторых, надо было найти жилье получше канализации. Контакты для этого тоже имелись, правда, куда более сомнительные. Вспомнив про найденный мобильник, Толик повеселел – телефон ему в этих делах очень даже пригодится! А в крайнем случае, ничто не помешает его продать. Точно, продать! За эти деньги, наверное, можно пять аппаратов попроще купить, если захочется, конечно... А если телефон и впрямь золотой да еще и с брьюликами...

На радостях Толик позволил себе шикануть и купил в ярком киоске жутко дорогую булку с сосиской и прочей необычайно вкусной начинкой. И пива хорошего он тоже себе позволил.

Приведя себя в порядок в туалете на Казанском вокзале, Толик решил сперва прогуляться по городу. Продвигаясь между стремительными людскими потоками, он время

от времени с озабоченным видом доставал мобильник и демонстративно раскрывал его, делая вид, будто что-то рассматривает на цветном дисплее. Пусть все видят, что и бродяги могут быть серьезные дела!

А еще он снимал город на камеру. И людей снимал, особенно симпатичных девушек. И это занятие доставляло ему неслыханное наслаждение. Почему-то эта вещица подарила ему редко посещающее людей ощущение, будто мир вертится вокруг тебя, и все в этой жизни возможно...

...Наблюдая за городом, Толик постепенно стал замечать странности. Все чаще стали попадаться чудно одетые люди, будто на улицу одновременно выпустили сразу миллион «аниматоров» в клоунских костюмах. Лица у многих тоже выглядели необычно. От одного такого лица Толик даже шарахнулся в сторону – такое оно было заросшее и сверкающее огромными злыми глазами. Лица у многих тоже выглядели необычно. то-то большое и стрекочущее.но выпустили сразу миллион "талла. некие Сильные мира сего...

Еще показалось, что над головой пролетело что-то большое и стрекочущее. Подняв голову, Толик пришел в изумление: то, что летело над площадью Маяковского на бреющем полете, несомненно, было человеком, несмотря на всю свою крылатость и режущую глаза полосатость.

Так, с открытым ртом, Толик и попятился на проезжую часть. Что удивительного в том, что немедленно раздался визг тормозов, автомобильная серена и громкий удар.

...Толик не понял, почувствовал ли он удар, или нет, но когда он с огромным трудом разлепил потяжелевшие веки, над ним было синее-синее небо с тонкими прожилками облаков...

Боковым зрением он увидел покореженный бампер иномарки, а с другой стороны – «скорую помощь».

Было очень больно, все тело ломило. Но при этом почему-то жутко захотелось встать.

Толик, встал и понял, что телом своим владеет с трудом. Оглядевшись по сторонам, он, наконец, осознал, что явился жертвой ДТП, а проще говоря – сбили его!

В мысли постепенно возвращалась ясность, а с ней – и удивление от того обстоятельства, что его размазанной по асфальту особе проявляется столь мало внимания. Опустив взгляд ниже, Толик с неприятным чувством понял, что стоит в луже крови посреди выведенного мелом контура человеческой фигуры. Выводы отсюда напрашивались жутковатые.

– А! – раздался женский крик. – Он живой!

– Какой к черту живой, – недовольно пробасили прямо над головой, и перед Толиком в столбе пыли возникло поло-сато-крылатое тело.

«Вот это да!», – только и подумал Толик, осознав, что перед ним – гаишник. Самый натуральный. Только летающий.

– Ты чего это встал? – не очень приветливо поинтересовался гаишник и аккуратно сложил за спиной прозрачные

крылья.

– А чего это я должен лежать на грязном, да еще и на холодном? – парировал Толик и сплюнул сквозь зубы. Он чувствовал, что правда на его стороне, и из сложившейся ситуации вполне можно попробовать извлечь всевозможные выгоды.

Толика окружила группка людей, которая с не очень понятным интересом рассматривала незадачливого пешехода.

– Мама родная! – причитала женщина в белом халате. Несомненно, это была медсестра. Только для медсестры она выглядела уж больно карикатурно – будто свой короткий халатик, чулки и чепчик с красным крестом она купила в секс-шопе. По этому поводу Толик вспомнил клип «Армии любовников», увиденный в видеосалоне на каком-то вокзале. Накрашена «сестра» была соответственно.

– Ничего не понимаю, – недоуменно рассматривал Толика мужчина, тоже в белом халате – такой же карикатурный, с «троцкистской» бородкой, похожий на доктора Айболита из мультфильма. – Это ж был стопроцентный летальный...

– Да это натуральный труп был, отвечаю! – грубо вмешался гаишник. – Просто холодный мешок с костями! Я таких повидал на своем веку, можете не сомневаться...

– Ну что же вы пугаете мальчика, – всплеснула руками Медсестра и кокетливо захлопала огромными ресницами.

– Видимо, это все Игра... – задумчиво сказал Доктор, бесцеремонно осматривая Толика, тормоша его, дергая за ниж-

нюю челюсть, сгибая ему руки и светя фонариком в зрачки.

– Какая еще игра? – возмутился, наконец, Толик и попытался избавиться от цепких лап Доктора. – Меня сбили, покалечили – давайте компенсацию! Я на вас в суд подам!...

– Молодой человек! – повысил голос Доктор и вдруг тукнул Толика по голове молоточком, который взвизгнул, будто надувной игрушечный. Это было так неожиданно, что Толик умолк, а Доктор продолжил:

– Вы не знаете, что такое Игра, и еще говорите глупости. Где вы были во время Старта, молодой человек?

– Я не понимаю о чем вы... Ну, спал, наверное... В ливневке...

– Ладно, – решил гаишник и взмахнул крыльями. – Сейчас придет Волкоп и разберется во всем. Его все равно на труп вызвали...

– Кто придет?

– Волкоп. Волшебный Мент, то бишь.

– П-почему – в-волшебный? – заикаясь от изумления, спросил Толик.

– Да потому, что когда во время Старта всем раздавали личины, ему сразу сказали: «Вы, мол, из миллиона милиционеров один, значит, такой честный, умный и добрый. Таких сказочных милиционеров просто не бывает. И безо всякой Игры – вы как бы из другого мира. Ну, просто волшебный!» Волшебный такой коп, понимаешь. Так и привязалось. А мы вот, хоть и волшебные, но какие-то... Недоделанные, блин.

Добрые дела, блин, теперь вершим против собственного желания, когда нужно и когда не нужно – тоже... Будто без крыльев нельзя было обойтись... Хорошо, хоть, как большинство сотрудников, гномом не сделали...

– Зачем? – только и нашелся спросить Толик.

– Ну, как зачем? – отозвался гаишник и вздохнул. – Чтобы метро копать оправили. Кому Игра – а кому ГУЛАГ...

Гаишник глубоко вздохнул и взмахнул жезлом. Помятые машины вмиг засияли, как новенькие, и незаметно разъехались.

– Хорошо хоть нас не так сильно почистили. Без ГАИ и в Игре нельзя.

– А чего это вы – с крыльями? – сглотнув, спросил Толик.

– Я думаю, чтобы народ нами потешать, – невесело ответил гаишник и приподнялся в воздух. – Мстительный народ, эти маги... Хочешь, доброе дело сделаю?

Последнюю фразу гаишник выдал из себя с явным отращением.

– Да, – незамедлительно ответил Толик. – Хочу двойной чизбургер...

Где-то он слышал это выражение, и оно ему страшно понравилось. Особенно слово «двойной».

Гаишник взмахнул жезлом, и на асфальт прямо из воздуха плюхнулся бумажный пакет.

– Свободная касса! – буркнул гаишник и, оскалившись, пошевелил пальцами поднятой вверх руки.

Толик сунул руку в горячий пакет и извлек на свет аппетитного вида булку, набитую всякой съедобной всячиной, которая, безусловно, могла символизировать собой концентрированное бродяжье счастье. Толик принялся вгрызаться в чизбургер, разве что не рыча от удовольствия. Медсестра умиленно сложила ручки и одобрительно закачала головой.

– Ага, – сказал вдруг гаишник не без яда. – Вон он наш, судья Дрэйд пожаловал...

Толик, не переставая жевать, обернулся.

Да, сравнение с героем Сильвестра Сталонне было вполне удачным. Волшебный Милиционер, он же Волкоп подкатил на чудовищного размера «Харли-Дэвидсоне», сияющем хромом и многочисленными проблесковыми маячками.

Плавно притормозив, он заглушил двигатель, пригасил маячки, снял шлем и водрузил на голову фуражку. Только после этого он степенно спешился.

– Смотри, какой красавчик, – восторженно прошептала на ухо Толику Медсестра, – А ведь такой шибздик до Старта был! Говорят, в отделе у себя только успевал за кофе для начальства бегать. А теперь – Волкоп!

Про кофе Толик не поверил. Потому что стояло перед ним Воплощение Закона с восклицательным знаком. Глядя на Волшебного Милиционера даже улицу на красный свет переходить не хотелось.

Вроде бы и знакомая милицейская форма, но... Будто прикоснулась к ней рука опытного кутюрье. Форма сидела

на могучем теле, как влитая. Ослепительно сверкали ремни, краги и высокие сапоги.

Больше всего Толика поразило то, что огромный пистолет в полуоткрытой кобуре крепился не только к поясу, но и к бедру двумя крепкими ремешками.

Волкоп остановился напротив присутствующих и упер руки в крагах в крепкие бока. Обведя всех тяжелым взглядом, он обратился к Толику.

– Это ты, что ли, труп?

– Он-он, – подтвердил Доктор и кашлянул. – Казус леталис, без вариантов.

– Абсолютно холодный был. Мешок с костями, – вставил гаишник.

– Бедненький, такой молоденький был, – всхлипнула Медсестра.

– Э, почему был? – возмутился Толик. – Вот он я!

– Разберемся, – сочным басом сказал Волкоп и протянул вперед раскрытую кверху ладонь.

– Базу данных и форму протокола, – приказал он.

Над ладонью заструилось сияние, и в воздухе возник полупрозрачный портрет Толика с набитым ртом на фоне гамбургера. Под ним незамедлительно вспыхнула надпись: «Какой-то Толик» и «нет данных».

– Это Игрок! – почти хором вскрикнули присутствующие.

– Точно! – воскликнула Медсестра. – Я сразу поняла, что Толик – особенный...

– Похоже на то, – согласился Волкоп. – Сейчас запрошу Магистра правил...

Волкоп принялся сосредоточенно нажимать мерцающие в воздухе кнопки. Все, замерев, ждали ответа этого неведомого Магистра. Толик недоуменно оглядывался, прикидывая – не настало ли время ли смыться подальше от этой безумной компании, которая уже начала его утомлять своими чудачествами.

– Так, – сказал, наконец, Волкоп и задумался. – Непорядок какой-то получается. Нету его на спецсвязи.

– А если позвонить на мобильный? – предложил Доктор.

– О! – сказал Волкоп и извлек откуда-то телефон с огромной телескопической антенной, на котором ловко набрал кожаным пальцем короткую комбинацию цифр.

Толик подпрыгнул, будто ужаленный.

В его кармане надрывался тот самый – найденный – мобильник!

– Тэк, гражданин, – недобро сказал Волкоп. – Позвольте-ка ваш телефончик...

Толик дрожащей рукой протянул милиционеру квакающий мобильник.

– Все верно. Мой номер, – бросив взгляд на дисплей мобильного, сказал Волкоп и как-то профессионально взглянул на Толика, – Тэк, у господина в рваной курке и грязных штанах изъят телефон с корпусом из белого золота и платины, с тридцатью крупными и мелкими бриллиантами вы-

сокой чистоты. Уважаемый, откуда у вас телефон Магистра правил?

– Что? – воскликнул доктор.

– Вот это номер! – хохотнул гаишник.

– Ой, мамочки! – всплеснула руками Медсестра.

Толику не осталось ничего другого, как поведать свою ночную историю. Все слушали довольно внимательно, а Волкоп одобрительно кивал, будто слова Толика немедленно проверялись на полиграфе.

Воцарилась пауза. Все смотрели на Волкопа.

Тот стоял в глубокой задумчивости, опустив козырек фуражки на глаза.

Так бы, наверное, продолжалось еще долго, если бы не свистнула рация на его могучем плече.

– Вооруженный конфликт на Тверской площади! – гнуса-во прокричала рация.

– Понял! Сейчас буду! – отрезал Волкоп и приказал:

– Медицина – за мной. Инспектор – сопроводите Игрока.

Там, на месте, разберемся...

Дэну с самого начала не понравилось это задание. Те вводные, которыми их снабдили, вызывали только недоумение.

Спецназ может многое. Особенно такие опытные группы, как его. Они никогда не занимались пустяками, и смертельный риск давно уже вошел в привычку, если можно назвать привычкой это особое профессиональное чувство.

Но всегда задание было ясным, а враг – более или менее конкретным. В любом задании работала схема: враг – всего лишь человек, и надо его всего лишь обезвредить либо уничтожить.

Это же задание было из разряда «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Дэн не любил расплывчатых формулировок.

Больше всего операция походила на разведывательную, но...

Дэн с неудовольствием разглядывал «балласт», который им придется тащить с собой.

– Так, господа гражданские, – процедил Дэн, разглядывая седого и молодого, на которых специально выданный камуфляж сидел, словно на огородных чучелах. – Сейчас вы грузитесь в третью БМД, и до моего приказа не высовываетесь наружу.

– А оборудование? – сглотнув, спросил молодой и кивнул

на несколько огромных армейских рюкзаков, прислоненных к гусенице БМД.

– Оборудование, – пробурчал Дэн, вспомнив приказ генерала. – Оборудование пойдет в «Урале» сопровождения.

– Так, может, и мы... – начал было седой, но Дэн оборвал его:

– Все. Я сказал. Это армейская спецоперация. Вы полностью подчиняетесь моим приказам.

Дэн осекся, почувствовав, что перегибает палку. Он не верил в свои слова. Не верил ни в какую спецоперацию – ведь перед ним нет реального врага. Есть только неизвестность, в которой эти гражданские, возможно, разбираются получше, чем он и его выдавшие виды ребята.

...С ревом колонна пошла сквозь окно – открытый участок в кольце оцепления. Солдаты с уважением смотрели им вслед, мимо проплывали расчехленные дула танковых орудий. Внимание Дэна привычно обострилось в ожидании возможной атаки. Но здравый смысл говорил о том, что никакой атаки не будет. И от этого становилось еще неприятнее.

До самой МКАД шли через совершенно безлюдное пространство. Умники в штабе уже окрестили эту зону «полосой отчуждения». Хотя непонятно было – к кому и от кого отчуждались эти земли.

Внезапно с головной машины передали: на МКАД замечено движение.

Это, в общем-то, было нормально – чему там еще происходить, если не движению? Но в штабе уже сложился параноидальный стереотип: столица захвачена врагами и превращена захватчиками в неприступную крепость.

Дэн не стал рисковать и послал вперед группу пеших разведчиков, которая не без удивления в голосах сообщила по радио, что по МКАД совершенно спокойно движутся потоки транспорта, ничего подозрительного не обнаружено, никаких препятствий к движению колонны нет... Снайперы наблюдают на улицах вроде бы обычную повседневную жизнь, нигде нет вооруженных людей, которых можно было бы обозначить в качестве потенциальных целей...

Дэн слушал доклад разведки и, закусив губу, обливался холодным потом. Все было еще страшнее, чем он предполагал. Враг слишком хитер! Он настолько хитер, что город даже не заметил собственной изоляции от внешнего мира!

– Слушай меня внимательно! – в микрофон радиостанции сказал Дэн. – Мы входим в город. Вести себя спокойно, на провокации не поддаваться, без моего приказа огонь не открывать. Идем в центр.

Это было главной поставленной перед группой задачей – добраться до органов городской власти и выяснить у них – что, собственно, происходит в столице.

Колонна вползала под эстакаду МКАД, а спецназовцы, сидя на броне, осматривали свой родной город, с чувством, будто движутся в горах Афганистана. В равнодушных или

улыбающихся лицах москвичей они видели ставшее легендой коварство душманов.

Внезапно со всех сторон раздались трели милицейских свистков.

Спецназ инстинктивно защелкал затворами и цепкими взглядами принялся обшаривать местность. Источника свиста в пределах видимости не было!

– Па-прашу! – раздался громкий, но слегка ленивый голос, и на броню перед носом у Дэна плюхнулась фигура в форме инспектора ГАИ, правда несколько странной расцветки.

– Инспектор Горемыкин! – козырнул он. – Вы начальник колонны? Па-апрошу остановить колонну и прижаться к обочине!

«Вот оно!» – даже не удивившись, подумал Дэн, и удовлетворенно вдохнул, будто ощутив под ногами пропавшую было опору.

– По какому праву ГАИ останавливает воинскую колонну? – спросил Дэн, но тут же бросил в микрофон:

– Колонна – принять вправо, стой! Двигатели не глушить!

Ревущая и смердящая выхлопом железная змея остановилась.

Дэн в упор рассматривал СУЩЕСТВО, которое по определению не могло быть инспектором ГАИ, а, следовательно, априори носило статус врага. И с этим врагом надо было вести себя осторожнее – ведь не у каждого противника за спи-

ной самые натуральные крылья...

– Да, собственно, я ничего против не имею, – как-то застенчиво сказал инспектор Горемыкин, похлопывая полосатым жезлом по своей раскрытой ладони. – Только что это вы в мирное время военную технику в город вводите? Нам никакой информации об этом не поступало. Вы согласовывали это с кем-то из нашего руководства?

У Дэна возникло непреодолимое желание свернуть Горемыкину шею. Вот так, отработанным приемом, хрясь – и нет проблемы... Потому, что в этой дурацкой ситуации он не знал, что говорить. А когда не хватает слов, спецназ приступает к действиям. Так их учили.

Но сейчас эта простая логика ломалась о прозрачные крылышки полосатого псевдо-гаишника. Или кто он там на самом деле – пришелец, вражеский диверсант, террорист-оригинал?

И Дэн, выдавив из себя улыбку, сказал:

– Инспектор, мы ищем здесь пропавших солдат и технику. Примерно три роты. Вы не в курсе, где они могут быть?

Инспектор глубоко задумался. При этом, будто машинально затрепетал крыльями и завис над броней. Краем глаза Дэн увидел, что ребята уверенно держат эту ТВАРЬ на прицеле.

– Ну, это не так просто, – сказал инспектор. – Быть они могут где угодно. Если они оказались здесь до Старта – то им попросту взяли, да и раздали личины, и до конца Игры

найти их будет не легко. Да и зачем? Если же они наделали глупостей – вам надо обратиться к Волкопу...

– Кто это такой, и как его найти? – быстро спросил Дэн.

– О, не беспокойтесь, он сам вас найдет, – улыбнулся Горемыкин, – Я вообще, чего вас остановил: что ж вы асфальт гусеницами портите? Это непорядок! Да что вы, что вы! Не волнуйтесь! Сейчас все исправим. Оп!

Гаишник взмахнул волшебным жезлом, и колонну заволкло сверкающей дымкой.

– Не стрелять! – заорал Дэн.

И вовремя. Так как нервы у спецназа могли и сдать – уж больно эта дымка смахивала на маскировочную завесу.

– Вот так-то оно лучше будет! – удовлетворенно сказал гаишник и козырнул. – Честь имею!

После чего с жужжанием унесся за ближайшее здание.

Дэн огляделся и разразился матюками, в которых, впрочем, не было злобы. Только изумление и бессилие.

Командир отряда элитного спецназа стоял на пластиковой панели огромного игрушечного танка.

Из-под откинутого пластмассового люка механика раздались удивленные возгласы.

«Только не терять самоконтроль, только не терять самоконтроль!» – играя желваками повторял себе Дэн. И главное – не дать запаниковать бойцам.

– А ну, слушай мою команду! Колонна – вперед!

Колонна действительно двинулась вперед, но в этом дви-

жении не было больше внушительности и мощи. Двигатели издавали какой-то тихий свист, а гусеницы вместо зловещего лязга – позорный резиновый скрип. Очевидно, что и спецназу это не добавляло лоску.

Дэн пребывал в растерянности. Летающий гаишник был что называется, «первой ласточкой», если так можно назвать этого крылатого толстопуза. Теперь начала проясняться картина безумия, творившегося в столице. Улицы представляли собой какой-то маскарад, уместный разве что на ежедневном параде в Диснейленде.

Дэн с автоматом в руках здесь чувствовал себя более беззащитным, чем будучи безоружным и связанным в подвале разъяренных боевиков. К такому их не готовили.

Он уже не обращал внимание на то, что его «гражданские» нагло вылезли на броню, вернее, пластмассу, и азартно щелкали и жужжали своими приборчиками. Впрочем, судя по их же реакциям – бестолково и безуспешно.

И радиосвязь теперь действовала только в пределах МКАД.

Колонна вышла к зданию Моссовета.

– Занять круговую оборону! – скомандовал Дэн. Скомандовал, чтобы чем-то занять бойцов, у которых, наверняка, как и у него, голова шла кругом от всего увиденного.

Дэн подошел к тяжелым дверям старого здания Моссовета и попытался открыть их. Куда там! Создалось ощущение, что двери представляли собой монолит со стенами здания.

Внезапно дверь подернулась дымкой и на дереве проявилась переливающаяся надпись:

«Никого нет. Все ушли на субботник. До конца Игры»

Теперь задание можно было считать выполненным. Выяснено, что управление городом парализовано. Лезть же с такими силами в Кремль не имело смысла. Надо было возвращаться и докладывать обстановку...

Но что докладывать?!

В сердцах Дэн пнул дверь ногой и в ярости застучал по ней кулаками.

– А ну, не балуй! – раздался громогласный голос.

Дэн обернулся и почувствовал, как в его волосах пробивается седина: на него, неодобрительно качая головой и поигрывая огромной палицей, смотрела конная статуя Юрия Долгорукого.

– А ну, други, кто с оружием сюда пришел – уходите прочь! – сурово сказала статуя и махнула палицей в сторону МКАД.

Тут нервы у бойцов не выдержали. На Юрия Долгорукого со всех сторон посыпались пули. Пули со звоном отскакивали от металла, вздымая веселые снопы искр.

– Отставить! Прекратить огонь! – закричал Дэн, но было уже поздно.

Статуя зарычала и пришпорила металлического коня. Конь грозно фыркнул и вместе с седоком соскочил с постамента, взметнув в воздух тучи пыли и обломков тротуарной

плитки.

Спецназовцы, не прекращая огня, бросились врассыпную, на ходу закидывая взбесившуюся статую гранатами.

– Вы на кого ж руку подняли, ироды окаянные?! – ревела статуя, круша пластмассовые БМД и разгоняя палицей спецназовцев. – Да я вам сейчас покажу, где раки зимуют!..

Ухнул гранатомет, и статую вместе с конем отбросило на пару метров назад, однако же, не остановило, а напротив прибавило праведного гнева.

– Отставить!!! – орал Дэн, но этот невероятный кошмар продолжался до тех пор, пока в воздухе не раздался усиленный мегафоном голос:

– Внимание! Это милиция! Всем бросить оружие и поднять руки!

Дэн недоуменно увидел, как из клубов гари и дыма появилась рослая фигура в милицейской форме.

«Совсем менты оборзели», – почему-то мелькнуло в голове у Дэна. Он только крепче сжал автомат, стараясь не упустить из внимания ни новоявленного стража правопорядка, ни статую.

Впрочем, при виде сотрудника милиции, статуя, прекратила размахивать палицей, и что-то раздраженно буркнув, умчалась вдаль, под чудовищный грохот металлических копыт.

– Никому не двигаться, всем бросить оружие, – повторил милиционер и, не спеша, поднял от бедра здоровенный пи-

столет неизвестной конструкции.

После чего немедленно получил пулю в лоб от спецназовского снайпера.

– Однако! – сказал милиционер, ощупывая дымящуюся дыру. После чего немедленно открыл огонь из своего необычного пистолета.

Дэн в ужасе наблюдал, как его бойцы после попадания из этого оружия разлетались, словно кляксы на бумаге, так и не сумев причинить вреда странному противнику.

Последний выстрел достался Дэну. Его качнуло, и он еще подумал, что умирает, не решив даже толком, о чем поразмыслить напоследок...

А потом понял, что стоит прямо перед этим нереальным милиционером, изучающим его пристальным и жутковатым взглядом.

– ...Надо же, – сказал Волкоп. – Не берет его реализатор. Игрок, значит. Интересненько...

– А с остальными что? – всхлипнула Медсестра. – Неужели так вот, в брызги – и все? Это же так бесчеловечно...

... Генерал задумчиво смотрел на город, пил чай из, и размышлял о своей корявой и не очень-то обнадеживающей беседе с секретарем президента США, когда прямо из воздуха на землю стали сыпаться вопящие от ужаса спецназовцы. Потянуло гарью и порохом.

– Дьявол! Это дьявол! – кричал один, осеняя простран-

ство перед собой крестным знаменем.

– Статуя! – всхлипывал другой. – Как? Как это?...

– Получай, получай! – рычал третий, паля в воздух из ручного пулемета.

– Этого не может быть! Не может! – бормотал еще один, пытаясь окопаться при помощи саперной лопатки.

– Ты видел? Нет, ты видел? Это невероятно! Это потрясающе! – как безумцы кричали двое гражданских, тряся друга друга за плечи.

Генерал продолжал пить чай, спокойно наблюдая за этой дикой картиной. Ничто не может испугать и удивить человека, прошедшего три «горячие точки» и листавшего архивы КГБ.

...– Да ничего с ними не случилось, – спокойно ответил Волкоп, пряча реализатор в кобуру, – Их просто выкинуло из нашей реальности. За пределы города. Они выполнили свою функцию – привели сюда Игрока. И будет с них – правопорядок нарушать...

Дэн стоял, потупив голову, безоружный и опустошенный. Впервые в жизни он понял, что годы тренировок, спецопераций и весь боевой опыт пошли псу под хвост, едва началось настоящее дело. Более того: зря прошла жизнь.

Он служил не ради денег. И даже не ради ощущения собственной значимости, силы – того, ради чего многие идут в спецназ. Что тут уж говорить о славе, которая в этой работе

равносильна профнепригодности.

Дэн всегда считал, что спецназ – незаменим. Что он и его ребята – это те люди, на которых надежда в самую крайнюю минуту, которые никогда не подведут и выполнят любую поставленную задачу.

А теперь оказалось, что они просто клоуны. В неизвестно кем и для чего созданном цирке. Что он скажет начальству, если даже вернется отсюда? Кто ему поверит? Лучше бы его убили тогда, в горах. Или пришибли б этой гигантской палицей...

...Внезапно в ушах раздался звон, тело окатило странной волной то ли жара, то ли холода. Все присутствующие разом охнули.

В ореоле холодного света перед Дэном возник высокий человек в белой хламиде. Был он неопределенного возраста, сух, с коротко остриженными светлыми волосами. Своим обликом он напоминал римского императора из американских «пеплумов».

– Здравствуйте, Арбитр, – почтительно сказал Волкоп.

Гость кивнул в ответ и произнес бесцветным голосом:

– Нарушения правил не установлено в виду отсутствия правил. Игра продолжается. Завтра будет объявлена цель игры и награда победителя. Приветствую Игрока номер один и Игрока номер два...

И исчез.

Доктор глубокомысленно кашлянул. Медсестра растерян-

но шмыгнула носом.

– Поздравляю, – серьезно сказал Волкоп и пожал безвольную руку Дэна. – Вы признаны Игроком номер два, и от вас, в том числе, будет зависеть ход и, соответственно, итог Игры.

– Так, погодите, мы же так и не разобрались с правилами, – резонно вставил Доктор.

– И даже не нашли Магистра, – добавила Медсестра.

– Действительно, – прогундосил гаишник.

– Разберемся, – уверенно сказал Волкоп и повернулся к гаишнику. – Где задержанный? То есть Игрок номер один?

– Так, вот же он! – сказал гаишник и взлетел над недавним полем боя. – Оп-ля! Нету его.

– Сбежал, – констатировал Доктор и удовлетворенно сложил на груди руки.

– Вот глупый, – покачала головой Медсестра.

– Так, инспектор Иванов! – сказал Волкоп. – Вы, видимо, по товарищам соскучились? Метро копать захотели?

– Я... Я... – гаишник затрепетал от ужаса и буквально рухнул на колени перед Волкопом. – Дорогой мой... Товарищ... Не надо... Я виноват... Не хочу в метро! Не хочу гномом!...

– Строгий выговор, – сурово произнес Волкоп, и над его головой вспыхнула и рассыпалась огненная форма приказа. – Первый и последний. На ваше место немало достойных кандидатур. Вон, инспектор Горемыкин с периферии, например...

– Спасибо, – пробормотал гайшник и отполз подальше от хромовых сапог.

Дэн равнодушно наблюдал эту сцену. Его тренированный мозг до поры, до времени накапливал информацию. Однако этой информации пока было слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы.

– Значит, дело обстоит так, – рассудительно начал Волкоп, приподняв фуражку, под которой не осталось и следа от мощной «трехлинейной» пули, метко выпущенной из СВД. Милиционер платочком вытер выступившую на лбу испарину и продолжил:

– Магистр правил в настоящее время для нас недоступен. Где его искать и как – мы не знаем. Более того – мы не знаем самих правил Игры. Следовательно – неизвестно как Игру вести, и когда она закончится...

– Но ведь это ужасно! – всхлипнул инспектор Иванов и уныло взмахнул крыльями. – Я не хочу вечно быть этой... феей! Я ж мужик, у меня где-то жена, дети... А я тут порхаю, блин...

– Не вы один такой, потерпевший, – без тени сочувствия сказал Доктор. – Не брали бы взятки на дорогах, не порхали б теперь со своей волшебной дубинкой. Добрый фей, понимаешь...

Медсестра весьма непосредственно прыснула и, смутившись, прикрыла рот ухоженными ручками.

– Отставить дискуссии, – сказал Волкоп. – Продолжим.

Игрок номер один сбежал с мобильным телефоном Магистра. Но, судя по всему, он не лгал, когда говорил, что нашел, а не украл этот телефон...

...А может, лгал? – осторожно вставил гаишник.

– Не лгал, – повторил Волкоп, и все поняли, что тот знает, о чем говорит, – Более того – выходит, что Магистр правил просто выкинул свой телефон!

– Не просто выкинул, – сказал Доктор и многозначительно поднял большой палец. – Он знал, куда и кому его кидать. Это ж Магистр, вы не забываете.

– Значит, он сделал так, чтобы телефон нашел этот...

– Толик, – подсказала медсестра.

– Логично, – кивнул Волкоп. – Но зачем?

– Может, он сделал это для того, чтобы сообщить Игроку правила? – предположил доктор.

– Нет, – покачал головой Волкоп. – Он бы дал ему другой телефон, а свой оставил бы при себе. Потому что Магистр всегда должен быть на связи со мной и с Арбитром... Ну, не знаю, с кем еще... Так оговорено в Формуле. А иначе получается, что Магистр правил...

Волкоп насупился и резко одернул на себе ремень.

– Что? – тихонько поинтересовалась Медсестра.

– Сбежал – вот что! – зло ответил Волкоп. – Улизнул от своих прямых обязанностей. А это – преступление!

– Преступление-то преступление, – задумчиво сказал Доктор. – Но ведь без правил Игра никогда не закончится...

– Так то-то и оно! – занял гаишник.

– Мамочки, что же с нами будет? – запричитала Медсестра.

– А так и будем сказочными персонажами, – спокойно ответил Доктор. – Гномов от алкоголизма лечить будем, мертвых оживлять...

– Попрошу без шуточек, – сказал Волкоп. – Так, если Магистр правил избавился от телефона – это неспроста. Может, там какие данные есть? может, в нем, в телефоне, все и дело?

– Так давайте его искать! – засуетился гаишник.

– Я не могу, – покачал головой Волкоп. – У меня определенные функции в Игре. Так же, как и у вас...

Повисла небольшая пауза, после которой все взгляды устремились на Дэна.

– А вот, кто его будет искать, – спокойно сказал Волкоп. – Пока нет правил, Игрок номер два совершенно не занят.

Дэн кашлянул и исподлобья посмотрел на Волкопа.

«Такого бы в мою группу, командиром отделения», – мельком подумалось ему.

– А если я откажусь? – вслух спросил Дэн.

– Ну, заставлять мы не можем, – пожал плечами Волкоп. – Только учтите: пока не будет сыграна Игра – вы не покинете пределы города. В ваших интересах найти Магистра правил. Этот Толик, видимо, пока не понимает того же. Но у него – телефон Магистра. Хоть вы-то меня понимаете?

– Я понимаю, – кивнул Дэн.

В действительности, он не понимал и не хотел понимать – что это за Игра, что у нее за дурацкие «правила», и этот Толик тоже ему был ни к чему.

Но вот найти самого пресловутого Магистра правил... Видимо, этот тип и заправляет здесь всей музыкой. Во всяком случае, он знает достаточно, чтобы разговор с ним оправдал исчезновение в городе трех разведрот и его собственного элитного отряда.

– Я найду его, – сказал Дэн.

– Отлично, – оживился Волкоп. – Держи рацию!

И кинул Дэну нечто, напоминающее пасхальное яйцо. Дэн поймал его и без лишних разговоров спрятал «рацию» в нарукавный карман камуфляжной куртки..

– С ее помощью можно пеленговать любой сотовый телефон, – пояснил Волкоп. – И со мной связываться. Много чего можно.

Дэн непроизвольно потрогал «рацию» через ткань кармана.

– Бронежилет снимете, – посоветовал Волкоп, – Во-первых, тяжело, во-вторых, здесь он бесполезен...

Толик, насвистывая, шел по городу и мысленно хвалил себя за то, как ловко смог улизнуть из лап этой идиотской кампании.

В кои веки ему в руки попала такая ценная вещь – и тут, на тебе – ее собираются отобрать! Да еще и заставить участвовать в какой-то нелепой Игре...

Все игры в сознании Толика ассоциировались с «лохотроном». Ему не раз доводилось становиться как жертвой, так и непосредственным участником «разводок на бабки», которые начинались как раз с безобидной, казалось бы, игры.

Нет уж, фигушки! Лучше он выждет время, а потом решит, что делать с телефоном – или владельцу за деньги вернуть (если позвонит), или продать. Может даже, распилив на кусочки...

А пока предстояло найти временное пристанище и какую-нибудь необременительную шабашку, чтобы прожить в Москве, пока не придет в голову стоящее решение... Хотя... Если тут все настолько изменилось... Надо было посидеть и хорошенько все обдумать...

Толик сидел на скамейке в небольшом сквере и как раз прокручивал последовательность предстоящих визитов по складам и вокзалам с целью установления деловых связей, когда под курткой что-то задергалось, заерзало, словно при-

мериваясь, как бы вцепиться Толику в бок. И лишь тогда, когда из кармана донеслась бодрая мелодия, тот осознал, что так звонит его новый мобильник.

Сердце испуганно колотилось. Теперь телефон вибрировал у Толика в руках.

«Взять трубку» или не брать? А вдруг это хозяин, этот как его... Магистр! И вдруг он потребует вернуть телефон? Нет уж, фиг ему теперь....

Телефон звонил громко и настойчиво.

Когда к звуку звонка прибавился писк, напоминающий о садящемся аккумуляторе, Толик раскрыл телефон и после секундной паузы выдал из себя:

– Алло...

– Слушай внимательно Магистр, – произнес какой-то бесцветный, но крайне неприятный голос. – Ты зря пытаешься спрятаться от нас ... Мы тебя и под землей найдем, понял? Ну, что язык проглотил? Сказать нечего? Только если нам придется тебя искать, разговор получится еще хуже, ты же понимаешь... Так... В молчанку играть будем? Доиграешься... В общем так: если не объявишься до понедельника, о тебе сообщат в новостях. В криминальной хронике. Ты понял? И еще. Слушай внимательно...

В этот момент телефон пискнул наиболее отчаянно и смолк. Выключился.

Толик ошарашено смотрел на трубку. Он так и не нашелся, что ответить. Не смог даже сохмить, что собирался было

сделать вначале. Язык онемел, челюсти свело судорогой.

Нежели это Волкоп? Ведь он знает этот номер. Нет, что-то слишком жестко для него... Да, ну... Он же этот... Страж порядка. Мог бы и по-другому выразить свою мысль. Да и голос не его...

И тут Толик будто прозрел: звонок-то предназначался не ему! А как раз тому самому неведомому Магистру правил, что решил, почему-то, так быстро избавиться от своего весьма недешевого телефона.

Хотя угрозы предназначались явно не Толику, слышать все это было крайне неприятно.

Постепенно до него начинало доходить, что телефон оказался в канализации неспроста. Наверное, его хозяину ужасно не хотелось слышать то, что пришлось выслушивать Толику. Настолько не хотелось, что он, не задумываясь, выкинул дорогой телефон, даже не тратя время на выковыривание СИМ-карты.

Настроение у Толика упало ниже некуда, но, тут же, отскочив, поползло обратно: не ему ж, в конце-концов, угрожали...

И тут Толика стали одолевать демоны. Всем известно: у каждого демоны свои: одних они толкают на странные приключения, других на женщин, причем всех без разбору, третьих – на поступки, чреватые тюрьмой.

Все эти демоны, взамен опасности, предлагают соответствующую цену – удовольствие в виде денег или приятных

ощущений.

Демоны Толика были другие. Глупые это были демоны. Можно даже сказать – демоны-неудачники.

Всегда они осложняли Толику жизнь. Поссорься Толик со своими демонами – глядишь, и выбрался бы он из той ямы, в которую засел серьез и надолго. Ан, нет! Не мог Толик с ними поссориться. Потому что только они, пусть изредка, но окрашивали мир яркими анилиновыми красками, наполняя душу восторгом и давая силы идти туда, где ждала Толика неведомая мечта.

В общем, эти самые демоны не давали своему подопечному спокойно пройти мимо чьей-то беды... Ну, что ж вы не восхищаетесь этой благородной натурой? Или хотя бы не вертите пальцем у виска? Да-а... Равнодушие – вот все, чем одаривали демоны Толика за такое прекрасное качество натуры...

Хотя, наверное, и никакое это вовсе не «прекрасное качество»! Это такая болезнь, если хотите! Да-да, именно болезненное состояние, которое заставляло Толика лезть не в свои дела, жалеть тех, кто его не просил об этом, сочувствовать тем, кому вы еще бы и добавили, да так, чтобы мало не показалось...

Как это, совершенно не модное, и даже вредное для выживания, качество привязалось к какому-то бродяге? Видимо, когда-то, еще в детстве он придумал себе некий образец того, как бы ему хотелось, чтобы окружающие поступали с

ним, что бы в нем видели, за что бы хвалили, а что прощали... И теперь, когда предоставлялась возможность, эти свои полусознательные желания он старался переносить и на других...

Конечно, иногда ему удавалось подавить в себе возмущенных демонов, иногда просто не было сил откликнуться на их призыв...

Но чем неприятнее была ситуация, тем настойчивее и изощреннее вели себя демоны...

...Толик беспокойно заерзал на скамейке...

«А хозяин-то телефона явно кому-то подставу какую сделал, – размышлял Толик»

«Но ведь если его найдут – убить могут! – возражали демоны. – Какой бы не был человек – кому приятно, когда тебя убивают? Или там, утюг на живот ставят...»

«Да, но я-то тут при чем?» – сопротивлялся Толик.

«Как это при чем? – удивлялись демоны. – Чувак специально выкинул телефон, чтобы до него не дозвонились. Типа, „если что – ничего не знаю, не в курсе“. А тут получается, что ему прямо в ухо выдали по полной катушке, условия выставили, можно сказать, „счетчик“ включили, а он ходит, уверенный, что телефон тихонько валяется в канализации, а сам он ни при делах... Нехорошо! Подставил ты человека...»

«Да никого я не подставлял! – возмущенно отпирался Толик. – Тот, звонивший, и голоса-то ничьего не слышал...»

«Все это бесполезно объяснять покойнику», – сочувствен-

но вздыхали демоны.

«Ну, с чего вы взяли, что покойнику?» – в отчаянии вопрошал Толик.

Демоны молчали, печально улыбаясь. Они грустно смотрели на Толика и делали свои выводы.

«Ну, а что я могу сделать?» – сдался, наконец, Толик.

«О! Другой разговор, – оживились демоны. – Ничего особенного. Просто позвони кому-нибудь, кто этого Магистра знает, и предупреди об опасности. В трубке куча контактов. И совесть твоя будет чиста. А трубку оставь у себя – по этому вопросу мы не возражаем...»

Толик глубоко вздохнул и отправился на поиски ближайшего магазина, где можно было бы купить зарядное устройство. И быстро нашел салон сотовой связи – неподалеку от сквера.

Зайдя вовнутрь, он принялся рассматривать витрины с аксессуарами. И тут понял, что не знает модель своего телефона, а, следовательно, понятия не имеет, какую «зарядку» к нему покупать.

Показывать же продавцам «такой» мобильник, «для консультации», было бы, мягко говоря, небезопасно.

Толик в нерешительности мялся возле витрины, когда на его плечо опустилась мягкая рука.

Толик вздрогнул и сделал шаг в сторону. Рука соскользнула, легко задев его за ухо.

– Что-нибудь желаете? – спросил вкрадчивый женский голос, и Толик подсознательно ощутил, что речь идет отнюдь не о выставленном здесь товаре. Он нерешительно скосил глаза в сторону.

Рядом с ним стояла продавщица.

В ее взгляде, манерах и улыбке не было ничего от того, что Толик привык видеть в работницах торговли.

Она была роскошна! Бархатная кожа лица, открытых плеч и смелого декольте, пухлые, как у Анджелины Джоли, губы, густые черные волосы, фигура... Каждое ее движение сквозило желанием...

– ЖЕЛАЕТЕ что-нибудь? – снова спросила продавщица и провела рукой по волосам, шее, сверкнув глазами из-под томно полуприкрытых век.

Толик продолжал молча стоять с отвалившейся челюстью. Демоны плотоядно зарычали и принялись щекотать Толика изнутри. Казалось, еще немного – и они полностью перехватят инициативу...

Таких продавщиц не бывает! Их не может быть! Такой образ может придумать себе разве что какая-нибудь обалдевшая от заприлавочной скуки дура... Но его же, такой образ, еще надо и воплотить в жизнь!

«Игра!» – осенило Толика, и он с трудом произнес пересохшими губами:

– Зарядку... Зарядное устройство для... Мобильника...

Продавщица прямо зацвела, будто ей сделали невесть ка-

кой комплемент. Она медленно, словно под слышимую только ей музыку, подошла к сверкающей витрине, припала к ней и повела по стеклу длинным указательным пальцем, увенчанным не менее длинным ногтем с хитрым насыщенным узором.

– К какой модели ХОЧЕШЬ? «Сименс», «Самсунг», «Эл-Джи»... Ну?

– Я... Не знаю, – пробормотал Толик, чувствуя, как в голове густеет приятный туман, а тело становится мягким и ватным.

– Не знаешь... – прошептала девушка и прижалась к стеклу порозовевшей щекой.

После чего, закатив глаза, лизнула стекло витрины.

Толик чуть не грохнулся в обморок. Демоны хором взвыли. Дрожащими руками, ничего не соображая, он достал трубку и показал продавщице.

– Во-от...

– О-о-о! – тихонько застонала та, и, бросившись к Толику, обвила его за пояс горячей рукой. – Какой у нас классный... телефон...

Толик туманно почувствовал, что его повалили на стол, где были разбросаны бумажки с какими-то анкетами, тарифными планами и еще черт знает чем.

– О, какая модная модель! – стонала продавщица, ухватившись за ремень Толиковых джинсов. Толик даже и не заметил, как на полу оказалась его грязная куртка и майка.

– Мне... Мне быстро надо! – пискнул Толик. – Прямо сейчас!

– Да! – зарычала продавщица. – Прямо сейчас!

И выдернула из-под стола зарядное устройство, проводом которого принялась обвивать его руки...

... На дрожащих ногах Толик вышел из магазина. Тупо похлопывая себя по карманам, он убедился, что мобильник остался при нем.

Непослушными руками он разматывал провод зарядного устройства, которым продавщица-нимфоманка успела обвить его шею.

«Что это за чертова Игра? – обалдело подумал Толик и хмыкнул. – Однако ж, повезло сегодня бродяге...»

Демоны удовлетворенно молчали.

Мимо него, тем временем, в тот же салон заходил какой-то старичок лет семидесяти. Едва Толик услышал из-за полуоткрытой двери уже знакомое томное «ЖЕЛАЕТЕ что-то?», как нервы его не выдержали, и он трусливо побежал прочь.

– Доминатор, клиент объявился!

– Неужели? Где же он?

– В Москве! В самом центре. Агенты запеленговали его мобильный телефон. И даже пытались поговорить, но...

– Хорошая новость, Советник.

– Рад стараться, Доминатор.

– Однако рано радоваться, Советник. Его надо найти, пока этого не сделали наши конкуренты...

– О... Доминатор, кому он еще может понадобиться?

– Ты хочешь знать лишнее, Советник?

– Простите, Доминатор, вырвалось...

– Ищите его. Запомни: сейчас он для нас – главная цель...

Толик нашел розетку для подзарядки телефона на все том же Казанском вокзале. Зал ожидания на этот раз выглядел непривычно тихим и безлюдным. Толику даже стало не по себе поначалу, но вскоре он понял, в чем дело: во время Игры поезда не ходили за пределы города.

Черт возьми, зачем для того, чтобы озабоченные пассажиры могли посидеть с газеткой в ожидании запоздавшего поезда или какие-нибудь бомжи, оглушительно храпя, – поспать на скамейках – надо строить такие колоссальные здания, больше всего напоминающие древние храмы? Сие было совершенно непонятно Толику и с детства внушало суеверный трепет. При том, что вокзалы всегда для него были отправными и конечными точками всех жизненных перипетий и событий, своего рода перевалочными базами, – он их не любил. Особенно не жаловал вокзальных милиционеров. Зато знал он их прекрасно и неплохо ориентировался в привокзальной жизни....

Ощувив себя в полном одиночестве в огромном зале на железной дырчатой скамье, Толик вспомнил о своем намерении поделиться с кем-нибудь информацией о грозящей Магистру беде. Потому он сразу же включил телефон и задумчиво уставился на загорающийся экранчик.

Несмотря на острое нежелание общаться со строгим Вол-

копом, Толик отыскал в списке входящих звонков его номер, который по простой логике вещей был предпоследним, и собрался было нажать алмазную кнопку в зеленой окантовке. Но передумал. Даже желание помочь ближнему не могло заставить Толика позвонить «менту». Пусть даже волшебному.

Демоны в его голове вновь приготвилились к спору.

Однако долго раздумывать Толику не пришлось.

Телефон зазвонил сам.

Толик в нерешительности теребил трубку, а звонок гулким эхом разносился по залу. В конце-концов звонок прекратился.

Толик облегченно вздохнул. И телефон зазвонил снова.

Толик поднес трубку к уху и нажал на кнопку.

– Да?

– Здравствуй, неведомый друг, – сказала трубка ровным и довольно молодым мужским голосом.

– Здравствуйте, – робко ответил Толик. – А вы кто?

– Не перебивай меня, пожалуйста, – недовольно сказала трубка, – Это запись. Я – Магистр правил этой Игры. Возможно, что ты уже слышал про меня.

– Слышал, – машинально сказал Толик.

– Так вот, – продолжил голос. – Скажу откровенно – эта Игра мне не нравится. Как и многим другим в этом городе. Но играть в нее необходимо – так решили те, кто сильнее, и от кого зависит наша жизнь. По некоторым причинам я решил, что правила не стоит знать всем. В этом случае побе-

дят сильнейшие, и, наверное, не самые лучшие, а Игрокам придется туго.

Я понял – по сути, Игра – это война, борьба на выживание между самими Игроками или между Игроками и иными, неизвестными пока силами. Установление правил в основном и сводится к тому, каким способам ведения войны отдать предпочтение. Так определяется сила и способности к выживанию нашего вида. А, может, это просто развлекает тех, кто делает на Игроков ставки. И то, и другое для меня это безразлично. Просто я не хочу страданий ничего не подозревающих людей. И уж тем более – не хочу стать инструментом в руках этих экспериментаторов.

Я сделал все, чтобы свести к минимуму число Игроков. Тогда и народу пострадает куда меньше. Правда, в этом случае все испытания свалятся только на них. Я заранее прошу у тебя прощения...

– Скотина! – в сердцах сказал Толик.

– Согласен, – ответил голос и продолжил. – Я решил, что правила Игроки узнают несколько позже. Но у тебя, дружище, будет одно преимущество перед всеми, в том числе и перед другими Игроками – правила ты узнаешь первым. Только найди меня раньше остальных.

И еще. Ты, наверное, хочешь узнать цель Игры?

(В трубке раздался короткий смешок)

– Не скажу про Игру в целом – ее цели я не знаю, а придумывать не имеет смысла. Цель же Игроков очень проста:

найти Магистра правил. Я решил, что принять огонь на себя будет честно. Тем более, что найти меня будет непросто...

– Я почему-то так и думал, – буркнул Толик.

– Но есть более важная цель, – многозначительно сказала трубка.

– Ну?!

– Выжить.

Короткие гудки поставили точку в этом странном разговоре с автоответчиком Магистра Правил.

Толик переваривал услышанное, когда телефон коротко вякнул, и на экране появилось изображение конвертика: пришло SMS сообщение. Нажав на соответствующую кнопку, Толик прочел: «Лен. вокз. кам. хран. 73, а541, бегом».

Большого труда не составляло догадаться о том, что речь идет о ячейке в камере хранения на Ленинградском вокзале.

Толик встал, зевнул, потянулся, разминая затекшие конечности и собрался было покинуть гостеприимный вокзал, чтобы отправиться на встречу со следующим, но его остановил чей-то возглас:

– Эй, Толик, постой!

Кричал с другого конца зала какой-то крепкий человек, издали показавшийся Толику смутно знакомым.

Незнакомец направился к Толику уверенной пружинистой походкой слегка вразвалочку, которая выдавала в нем крепкого тренированного человека.

И Толик узнал его.

– Эй, стойте там! – крикнул он, – Вы, что, этот – из спецназа?

– Да, – ответил человек. – Я такой же Игрок, как и ты. Меня зовут Дэн.

– Чего вам надо?

– Скажу честно: меня послал Волкоп. За твоим мобильником. Вернее, не твоим, а тем, сто принадлежит Магистру Правил. Отдай его мне.

Говоря это, человек медленно, но ловко приближался. Толик почувствовал исходящую от него опасность.

– Зачем вам его телефон? – пяťсь, спросил Толик

– Чтобы найти Магистра правил, – ответил Дэн и сделал еще один шаг вперед. – Какая ж это Игра – без правил? Я не от своего имени говорю. Мне Волкоп поручил его найти.

– Хе, – сказал Толик. – Всем его нужно найти.

– Что? Не понял... А тебе он зачем? Что тебе известно о нем? – нахмурился Дэн, и Толик понял, что сболтнул лишнего.

– За тем что, сами говорите: какая ж это игра без правил? Вот я и хочу их узнать первым... И ничего мне не известно, – ответил Толик, но понял, что Дэн ему не поверил. Он остановился и запустил пальцы за ремень своих камуфляжных штанов.

– Слушай, парень, давай по-хорошему, – сказал он, – Ты от меня все равно не уйдешь. Не хочу с тобой ссориться, да и ты не хочешь, ведь верно? Ты мне доверяешь?

– Не уверен, – честно сказал Толик. Он лихорадочно обшаривал взглядом окружающее пространство, в поисках варианта для побега. Его собеседник создавал впечатление человека, который слов на ветер не бросает, и выглядел он действительно угрожающе.

Толик еще не успел понять, что вообще с ним происходит. Он не разобрался в собственных мыслях по поводу таинственного звонка. Он не знал еще, как относиться к тому, что происходит в этой изменившейся Москве, которая преподнесла ему столько странных сюрпризов за такое короткое время.

Но уже появилось достаточно ясное ощущение того, что судьба посылает ему совершенно уникальный шанс изменить привычный ход жизни.

Впервые Толик ощутил собственную значимость, и это чувство ему понравилось. Поэтому у него не возникало никаких сомнений по поводу того, как поступить. Пусть этот Дэн говорит, что угодно. Пусть он сильнее и хитрее его, Толика.

Но вожаденный для многих ключ к волнующей тайне сейчас у него. И это то, за что Толик будет бороться до конца. Конечно, пока не начнут бить ногами...

Профессиональным взглядом Дэн моментально оценил ход мыслей несговорчивого парня. Потому, не долго думая, легко дернул с места в его сторону.

Нет никаких сомнений, что на этом история Толика и его

телефона быстро закончилась бы, однако на пути Дэна возникла неожиданная преграда.

В огромном зале задался гулкий, резонирующий в стеклах, звук. Воздух сгустился, и на мраморе возникла группа людей в черных балахонах.

– Государственная безопасность! – громко сказала безликая фигура и вскинула вверх руку с костлявыми пальцами. – Всем оставаться на своих местах!

Наступила пауза, в течение которой пришельцы рассматривали Толика черными провалами своих капюшонов.

– Это не Магистр, – сказала одна из фигур. – Вы! – последнее было обращено к Толику, – немедленно отдайте нам предмет, не принадлежащий вам по праву. Я говорю про телефон...

– Государственная безопасность? – остановившись, как вкопанный, воскликнул Дэн и странным взглядом вперился в незваных гостей, будто внезапно забыв о Толике, – Я сотрудник ГРУ, нахожусь здесь с целью выяснения обстановки в столице. Вы можете объяснить, что происходит в городе? Что с правительственной связью? Что с командованием вооруженных сил? Кто у вас старший?

– Ты здесь всего лишь Игрок, – небрежно ответила другая фигура в черном и равнодушно отвернулась. Внимание пришельцев было обращено исключительно к Толику.

Дэн выслушал такой ответ, как должное, приняв на время роль стороннего наблюдателя.

Люди в балахонах медленно направлялись к Толику, и тот уже решил, что телефон придется отдать, как вдруг с диким криком на них набросился Дэн.

– Беги! – крикнул он и обрушил на людей в балахонах серию жестких приемов. Неожиданность этого нападения сыграла определенную роль, и некоторые из «людей в черном» попадали на пол, а остальные, отвлекшись от Толика, бросились на Дэна.

Этого хватило для того, чтобы Толик успел юркнуть в какую-то боковую дверь и, что есть духу, помчаться по лабиринту подсобных помещений. Непонятно, как ему удалось вырваться на улицу, но ноги уже несли в сторону ближайшего поземного перехода, над которым виднелась тусклая красная буква "М".

Толик собрался было броситься в метро, но вдруг подумал, что преследователи будут искать его именно там. Поэтому добраться до Ленинградского вокзала надо было по поверхности. И лучше всего в этой ситуации было поймать такси.

Толик, как уважающий себя бродяга, такси пользовался крайне редко. В смысле – вообще никогда. Он быстро похлопал себя по карманам, соображая, хватит ли ему денег, и вообще – сколько оно стоит, это такси – как у самого уха прозвучал гнусавый голос:

– Такси нужно? Куда ехать?

Обернувшись, никакой машины Толик не увидел. Перед ним стоял долговязый парень с длинными «дрэдами», почти закрывающими лицо, в оранжевых очках и вообще – весьма неформальной наружности.

– Где такси? – раздраженно спросил Толик, собираясь свернуть еще и какую-нибудь грубость. Нервы его были на пределе. Вот-вот со стороны вокзала могли выскочить разъяренные черные балахоны или этот непонятный Дэн.

– Я такси, – обреченно произнес парень, опуская книзу глаза.

Только тут Толик заметил, что ноги парня непонятным образом составляют единое целое с ярко раскрашенным

скейтбордом. Этого не могли скрыть даже мешковатые штаны цвета «хаки».

– Так едем? Недорого.

– Ну, допустим, – скептически произнес Толик, как вдруг услышал:

– Вот он, держите его!

– Едем! – заорал Толик и затоптал на месте, не представляя, как будет выглядеть процесс передвижения на этом странном «такси».

– Окей, – обрадовался парень, и Толик сам не понял, как оказался ногами на скейтборде, чуть впереди парня. Тот нелепо откинулся назад, ухватив Толика жилистой рукой за предплечье.

Доска подпрыгнула и понеслась. Толику казалось, что она вот-вот вырвется у него из-под ног, и он окажется лицом на шершавом асфальте.

– А-а-а! – заорал Толик. – Я не умею!

– А чо тут уметь? – флегматично приговаривал парень, ловко направляя «борд». – Вот так делаешь, потом вот так...

При этих словах доска вскакивала на бордюр, спрыгивала снова на дорогу, подлетала и со скрежетом проходила по чугунному ограждению тротуара. Пару раз доска с пассажирами подпрыгивала в воздух и на ходу делала вокруг себя полный оборот.

– А-а-а! – голосил Толик.

– Да! – гордо вторил ему парень. – Музыку включить?

Не дожидаясь ответа, «таксист» ловко водрузил на уши Толику титанического размера наушники, откуда агрессивно загрохотал гулкий ломаный бит.

– Класс, да? – прокричал парень. – А куда едем-то?

– Н-на... Ленинградский в-вокзал, – заикаясь, ответил Толик, выпученными глазами озирая пролетающий мимо пейзаж.

– Ага! Понял! – воскликнул таксист, и доска полетела прымиком в стену ближайшего здания.

– Стой!!! – заголосил Толик, ощутив, что вообще не владеет более собственным телом, даже, чтобы спрыгнуть с этого смертоубийственного снаряда.

– Все под контролем, – заверил таксист и, подбросив себя и пассажира вместе с доской в воздух, упругим ударом уперся колесами в стену, после чего стена выскользнула из-под доски, а таксист с седоком сделали в воздухе сальто с пируэтом. Теперь они неслись в противоположном направлении.

Толик завопил неприличным текстом. Таксист утробно захохотал.

Ловко лавируя между машинами, чудная доска мчалась по городу.

В один момент раздалось характерное жужжание, и параллельным с ними курсом на бреющем полете пошел крылатый гаишник. Прямо на лету он козырнул и пробубнил что-то невразумительное. Таксист только выбросил в его сторону руку с «корочкой» удостоверения, после чего гаишник

козырнул снова и ушел в сторону, словно тяжелый самолет-танкер после заправки истребителя.

Мимо проносились странные люди, странные машины и дома, тоже изменившие что-то в своем облике.

Навстречу пронеслось еще несколько скейтбордистов с пассажирами и даже один роллер с двумя девушками под мышками. На его груди сверкали яркие шашечки такси. Нагруженные какими-то огромными ящиками горные велосипеды с усталыми велосипедистами уже не удивляли.

Москва преображалась на глазах. Вот уже Толик перестал изумляться своему средству передвижения, как раньше – летающим гаишникам. Вот стали казаться нормальными ожившие статуи и барельефы на стенах домов.

Пролетающие над головой машины воспринимались теперь как вполне логичное решение проблемы пробок. Дома окрасились новыми красками – некоторые яркими, вызывающими, другие, напротив, ссохшимися и пожухшими, будто внезапно впитавшими в себя атмосферу прожитых столетий.

Раскрыв рот, Толик смотрел на замершие в воздухе, против всяких законов физики, армейские вертолеты. Это было похоже на «баги», то есть, «ляпы» и недоделки, какой-то компьютерной игры: казалось эти три машины просто забыли вовремя стереть. Так и весели они над улицами с замершими лопастями и застывшим, как стекло, дымным следом из турбин, так и не выйдя из глубокого виража...

Где-то мелькнула сталинская «высотка». Толик ахнул: она

казалась совершенно гигантской, уходящей за тонкие облака, и даже слегка изогнутой, словно склонившейся над улицами...

– Приехали! – громко сказал таксист, сняв с Толика наушники.

Толик все еще дрожащими ногами с радостью ощутил твердую землю.

– Сколько с меня? – спросил он, слегка напрягшись и ожидая финансового шока.

– Игроки перемещаются по городу за счет Арбитра, – ответил парень и, помахав рукой, откатился на своей доске назад. – Если я понадобится – просто порви пополам визитку!

Только сейчас Толик заметил, что сжимает в руках толстую картонку с яркой надписью: «Такси „Экстрим“ – с ветром домчим!»

...Толик с опаской вошел на территорию Ленинградского вокзала. Гигантский «двор» ограниченный вокзальными постройками, который раньше напоминал смесь дикого восточного базара и современного торгового центра, теперь был пустынен.

Только посреди него, на асфальте, стояло теперь несколько живописных шатров, сгрудившихся вокруг одного, самого большого и яркого. Над шатрами, на высоком шесте развивались какие-то звериные хвосты. Судя по всему – собачьи.

А перед шатрами полыхал костер из поломанных деревянных ящиков. И сидели вокруг него самые натуральные бомжи.

Брата-бомжа Толик узнавал за километр. Потому что, по сути, сам таким и являлся. Только теперь его коллеги выглядели куда экстравагантнее, чем обычно.

При всей подобающей помятости и разношерстности одежды они были в какие-то невероятно дорогие вещи.

Так, один из братцев-бомжиков, что сидел у костра на новеньком широченном колесе с низкопрофильной резиной, одет был в итальянское кашемировое пальто и президентского класса галстук на голое тело, красные адидасовские штаны и начищенные до блеска туфли штучной работы.

Другой был втиснут в роскошный костюм от «Версачи», правда, на пару размеров меньше требуемого, отчего тот сидел совершенно в обтяжку. Из рукавов торчали манжеты белоснежной рубашки с бриллиантовыми запонками, на ногах же были фирменные немецкие рыболовные сапоги. Разумеется, новенькие и зеленые.

Третий, видимо, главный в этой троице, накинул на волосатые плечи сверкающую роскошью соболью шубу, а ноги в плавательных шортах погрузил в сандалии от «Соломон». В желтых зубах над небритым подбородком прыгала наполовину скуренная «прима». Не лишним будет упомянуть, что на голове его красовалась замшевая ковбойская шляпа.

– Здоров, мил человек, куда путь держишь? – поинтере-

совался обладатель шубы.

– Да, вот, на вокзал зайти надо, – ответил Толик. Он не очень-то хотел общаться с этими странными нуворишами. Неизвестно, когда и что придет в три немывтые головы, отравленные плохим табаком и паленой водкой.

– Э, зачем на вокзал? – покачал головой носитель костюма. – Поездов все равно нет, работы на разгрузке нет... А ты, я вижу, из наших...

– Так это ж Толян! – сирым голосом воскликнул тот, что был в пальто, и вскочил со своего колеса. – Толян, помнишь, как мы с тобой в Костроме на складе «Анапу» глушили?

Толик вспомнил. И воспоминания ему не очень понравились. Поговаривали, что этот тип, что сейчас принял столь respectable вид, а тогда был грязен и невероятно вонюч в своей древней «мастерке» и вечно спадающих дырявых штанах, съел не одного из своих старых добрых знакомых. Съедал он их не из особых гастрономических предпочтений, как небезызвестный доктор Лектор, а просто так – потому лень было зарабатывать деньги на еду. Ведь знакомые подворачивались так кстати. К тому же, сэкономленные на еде деньги вполне можно было потратить на лишнюю бутылку портвейна.

Впрочем, это были только слухи.

– Эй, Толян, иди к нам, садись! Выпьем!

Толику вовсе не улыбалось сидеть тут и распивать непонятно что в сомнительной компании, тем более, что пресле-

дование его персоны еще никто не отменял. Однако шатры были на пути ко входу, и просто обойти их не представлялось возможным.

Толик присел к костру и протянул руки к огню. Было не так уж и холодно, но огонь тянул к себе, подсознательно ассоциируясь с теплом и сытостью.

– Чего это вы вырядились? – поинтересовался Толик. – Обнесли, что ль кого?

Бомжи заржали, хлопая друг друга по плечам и кивая на этого непонятливого бродягу.

– Толян, ты не поверишь, – засипел пальтоносец, и Толик вспомнил, что звали его Фокич. – Ты же слышал про Игру?

– Ну? – равнодушно сказал Толик.

– Так вот, при Старте всем же личины раздавали. Ну, мы тоже думали – сошлют нас куда-нибудь руду добывать или уродами какими сделают. Так нет же! Видит бог, есть справедливость на земле! Сжалились над бедными людьми – приодели, приобули, накормили! И ничегошеньки за это не взяли!

– Это странно, – сказал Толик. – С чего ж такая щедрость?

– Я же тебе говорю – такова она, высшая справедливость!

У Толика было свое мнение по поводу высшей справедливости, но спорить он не стал.

– Выпей с нами, друг, – сочным басом сказал бомж в шубе и вытащил откуда-то из-за спины огромный кожаный чемодан с солидным фирменным лэйблом, – Что предпочита-

ешь? Виски, коньяк, водку? Может, вермут или кальвадос?

– Вы чего? – обалдел Толик. – С жиру беситесь?!

– Ну, почему же? – обиделся бомж в костюме. – К культуре приобщаемся...

Он ловко открыл бутылку виски, с видом знатока понюхал горлышко, причмокнул, посмотрел сквозь бутылку на свет.

После чего виски, коньяк, водку и вермут вместе с кальвадосом, а также абсент, поочередно залили в серебряное ведерко для охлаждения шампанского, в котором перекачивалось на дне несколько ледяных кубиков.

И сунули в этот «коктейль» четыре пластиковые «соломинки».

Однако и на этом творческий процесс не закончился. В довершение кощунственного издевательства над дорогими напитками Фокич достал из-за пазухи бутылку медицинского спирта и, раскрутив до образования воронки, вылил ее содержимое в алкогольное месиво. И поджег смесь большой каминной спичкой. Синеватое пламя взвилось над ведерком, напоминая газовый факел над буровой вышкой.

– А ну, не отставай! – просипел он и, закатив глаза, буквально присосался к «соломинке».

Его примеру последовали остальные, включая Толика, который не желал долгой и опасной беседы на тему «ты меня уважаешь?». Слегка пригубив напитка, Толик решил не рисковать желудком, потому только симулировал усердие, с которым якобы втягивал в себя это зелье. Кроме того, его бес-

покоило пламя, грозящее спалить брови. Однако стараниями братьев-бомжей, огонь с невероятной скоростью ринулся ко дну и разбился вдребезги о так не успевшие растаять кубики льда.

– Ух, блин, хорошо! – просипел Фокич и откинулся назад, видимо ожидая встретить там спинку мягкого кресла. Однако сзади был только асфальт. Тот немедленно принял Фокича в свои мягкие объятия. Остальные двое заржали. Засмеялся и Толик, краем глаза поглядывая в сторону вокзального входа.

– Это называется коктейль «Ломбарджини», – прокомментировал заплетающимся языком тип в костюме и принялся стучать себя по груди, не в состоянии ухватиться за пуговицу. – Ух, и кто так шьет? Г-где, пуговицы, а? Что же это такое, братцы?

Бомж, что был шубе, приспустил ее до локтей, отчего стали видны многочисленные аляповатые татуировки на вялых плечах, и, выкатив мутные глаза, молча уставился прямо перед собой.

Толик решил, что теперь самое время покинуть гостеприимную кампанию.

Он встал, пробормотав, «я сейчас», и быстрым шагом направился ко входу в здание вокзала. Быстро спустившись вниз, куда указывала табличка с надписью «камеры хранения», он очутился среди огромных серых металлических сот. Искомая ячейка нашлась быстро и Толик, не теряя вре-

мени, набрал присланную по sms комбинацию.

Раздалась тихая музыка, словно заиграла музыкальная шкатулка и дверца сама собой отворилась. Толик заглянул внутрь и хмыкнул.

Там лежал сотовый телефон.

Точно такой же, как у него.

Когда глаза привыкли к темноте, Дэн понял, что находится в каком-то невероятно огромном и сыром подzemелье. Где-то монотонно капала вода, тянуло гнилью.

Жутко болело тело – эти ребята в черном были отнюдь не новичками в драке и отделали его как следует. Они ловко скрутили его, завязали глаза, заткнули рот и быстро доставили сюда. Дэн даже готов бы поверить, что это – действительно сотрудники спецслужб, но сопровождающий их действия антураж вызывал совсем другие ассоциации. От всего этого конкретно пахло средневековьем. Или ловкой мистификацией, цель которой оставалась совершенно неясной.

Впрочем... Гм... Игра... Эти странные люди – наверное, тоже часть чертовщины, что творится здесь, внутри Локализации. И в этой чертовщине еще предстоит разобраться. Уже без помощи вверенного ему и так бесславно пропавшего подразделения.

Дэн потянулся, разминая затекшие конечности. Что-то больно резануло лодыжки. Дэн пощупал, присмотрелся...

На ногах его были самые натуральные кандалы. С грубыми цепями, уходящими куда-то в темноту.

– Е-мое, вот это бред... – прошептал Дэн.

Ему предстояло разобраться в собственных ощущениях, сделать выводы и подготовиться к неизбежной встрече с го-

степриимными хозяевами этого помещения. Поэтому Дэн набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. После чего провел серию спецупражнений на восстановление физической и психологической формы.

Как ни странно, с кандалами на ногах он почувствовал в себе уверенность, потерянную было при встрече с первыми «чудесами». Раз есть необходимость держать пленника в кандалах – значит, опасность вполне реальна, а враг – достаточно осязаем. А значит – смертен. Все остальное – дело техники.

Дэн принялся анализировать ситуацию. И хотя вводных было недостаточно, их хватало, чтобы понять, что ЭТИ тоже ищут Магистра правил – таинственную фигуру, которая, видимо, находится в центре явлений, связанных с Локализацией.

Как человек военный, в условиях, приближенных к боевым, Дэн стремился определиться с целью своих действий, с возможными противниками и союзниками.

Он уже четко решил для себя, что найти Магистра правил он не прочь, так же, как эти, в черном, как странный Волшебный Милиционер и как Игрок номер один – некий бродяга, пацан по имени Толик. Еще у него родилась идея, как связаться со штабом, чтобы передать информацию за границы Локализации. Это была весьма остроумная, но трудноосуществимая идея.

Что ж, оставим ее до поры.

Может быть те, кто называет себя Госбезопасностью, поможет прояснить обстановку – хотя бы сказать, где сейчас президент и правительство, по какому поводу этот чудовищный маскарад, и какие силы устроили все это. И главное – ради чего?

В размышления Дэна ворвался отвратительный скрип ржавых дверных петель. Тусклый свет из дверного проема показался ему ослепительным сиянием. Впрочем, появившиеся в лучах этого света сутулые силуэты оптимизма никак не добавляли.

Щелкнул выключатель.

На стенах раздался электрический треск, как от разряда в пьезоэлектрической зажигалке, и вспыхнули чадающие огненные чаши.

«Масляные светильники?» – вяло удивился Дэн.

Впрочем, удивляться еще предстояло долго. Удивление стоило поберечь для более странных событий, в наступлении которых сомневаться не приходилось.

Теперь Дэн видел, что сидит на грубой деревянной лавке, которая заодно могла служить и нарами. Цепи от кандалов тянулись к стене и были надежно прикреплены к вбитому в камень кольцу – одному из многих, украшавших серые стены.

Перед ним, чуть поодаль, стоял массивный стол. За него и усаживалась теперь фигура в знакомом черном балахоне. Капюшон она так и не соизволила откинуть. Дэн мельком

подумал, что до сих пор не видел ни одного лица ЭТИХ.

Еще одна фигура встала чуть в стороне от узника, небрежно бросив на пол большую спортивную сумку. То, как звякнуло о пол содержимое сумки, Дэну очень не понравилось.

Чиркнула спичка, и на столе одна за другой зажглись три свечи на массивном подсвечнике. Но и этот свет не выхватил лица в провале капюшона сидевшего за столом.

Дэн молча наблюдал за тем, как на столе появилась пухлая книга в металлическом окладе, как зашуршали листки, как заскрипело по ним гусиное перо. Вскоре, однако, Дэн понял, что молчание в данной ситуации нельзя считать золотом. И спросил:

– А что, в Москве сейчас с авторучками напряжонка?

Скрипение пера на миг прекратилось и продолжилось вновь. Дэну показалось, что он услышал тихий смешок.

– Фамилия, имя, отчество, – донеслось из-под капюшона.

– Я хочу знать, на основании чего я задержан, где я нахожусь, и кто вы, черт возьми, такие, – произнес Дэн.

– Вы не задержаны, а заключены под стражу. На основании приказа руководства Княжества Госбезопасность. В связи с нападением на ее сотрудников. Находитесь вы в подвале Башни, что на Лубянской площади в бывшем городе Москва...

– Почему «бывшем»?

– Вопросы здесь буду задавать я, дознаватель и старший агент Госбезопасности. Итак, гражданин Гришин Денис Ми-

хайлович, продолжим. Фамилия, имя, отчество?

– Гришин Денис Михайлович... – опешив, пробормотал Дэн. – А откуда?..

– Ладно, – вздохнул капюшон, – что время тянуть? Отвечайте только «да» или «нет». Вы – сотрудник секретного спецподразделения ГРУ «Скорпион»...

– Нет такого спецподразделения, – обомлев, быстро сказал Дэн. Откуда они могут знать?... Неужели предатели?!

– Есть такое подразделение, – назидательно сказал дознаватель. – Вы проникли на территорию бывшей Москвы со шпионскими целями, верно?

– С разведывательными...

– Со шпионскими.

– Это столица моей страны!

– Молчать! – взвизгнул вдруг агент, стукнув кулаком по столу, и сделал нервное движение рукой.

По уху будто ударили молотком. Дэн кубарем полетел с лавки, с удивлением успев заметить, что в руках второго носителя балахона, что теперь стоял рядом, действительно большой деревянный молоток, вроде того, каким чудаки-англичане играют в крикет.

– Запомни, несчастный, – уже беззлобно сказал агент. – Здесь есть только одна страна. Страна эта называется Княжество Госбезопасность. Пока еще княжество. За ее пределами нет ничего. И столица ее здесь – в Башне на Лубянской площади...

– Как скажете, – невозмутимо ответил Дэн и вновь сел на лавку. – Вам отсюда виднее.

– То-то же. Вы ищите Магистра правил.

– Да...

– Зачем?

– Волкоп попросил...

– Не упоминайте это гнусное имя! Вы ищите Магистра, потому что это – цель Игры!

– Правда? – искренне удивился Дэн. – Спасибо за информацию. Наконец-то я узнал, ради чего устроен этот балаган. Что ж, цель весьма достойная. Еще раз спасибо...

– Не стоит благодарности. Только то, что вы – Игрок – спасло Вас от немедленной расправы. Впрочем, в случае необходимости, нас не остановит и ваш статус...

– Мой статус?

– Да. Доминатор решил отпустить вас....

– Кто?

– Доминатор. Властитель государства Госбезопасность...

– Простите... Как это: «государство – Государственная безопасность»? Вы не путаете? Или у меня что-то со слухом...

– Нет, – ядовито сказал дознаватель. – Это вы путаете! Высшая форма государства – это служба безопасности самого государства! Это же ясно, как свет! Безопасность лежит в основе государства, пронизывает его, составляет его сущность, а, значит, и есть государство!

– Ваши слова не лишены логики, – признал Дэн. Спорить с большим деревянным молотком ему не очень-то хотелось. – Так вы меня отпускаете?

– Да. С определенными условиями.

– Вот! Вот теперь я верю, что вы именно Госбезопасность, а не нечто иное, – облегченно вздохнул Дэн.

– Не язвите, Игрок, – сказал агент.

– Мне ударить его? – раздался над ухом неуверенный бас.

– Не надо пока, младший агент. Итак, Дэн. Позвольте мне назвать вас прозвищем, принятым в вашем спецподразделении. Условие очень простое: вы станете нашим внештатным агентом.

– Что?! – вскочил было Дэн, но сдержался и принялся лихорадочно думать.

Если бы такое предложение ему было сделано даже родной, как говорится, службой внешней разведки или органами внутренней безопасности, он бы отказался даже ценой своей жизни. Потому что прекрасно понимал, что таким согласием выносит приговор самому себе – пусть это даже приговор с длительной отсрочкой. Не важно, кто бы потом с ним разделался – ГРУ, ФСБ или свои товарищи, чтобы смыть позор с подразделения.

Но здесь... Здесь шла странная и запутанная Игра со странными и нелепыми целями, а вели ее какие-то ряженые в балахонах. Пусть даже и владеющие боевым айкидо. Воспринимать такую вербовку всерьез... А даже если и всерьез

– может, стоит рискнуть всем – и жизнью, и честью. Ведь на кону – существование страны, ядерной державы, окруженной недоброжелательными соседями, которая вмиг осталась без собственной столицы со всем ее содержимым...

– Ну? – спросил балахон.

– Что от меня требуется? – выдавил из себя Дэн.

– Пока ничего, – оживился агент. – Только контракт подписать.

– Сделка с Дьяволом? – криво усмехнулся Дэн.

– О, куда страшнее, – хихикнул агент.

Перед Дэном стараниями младшего агента уже был развернут большой кусок пергамента. Гусиное перо само лезло в руку.

«Спецназ нигде не пропадет!» – стиснув зубы, мысленно произнес Дэн и размашисто подписал листок с заголовком «Контракт с вольнонаемным агентом». И тут, похолодев, понял, что так и не прочитал подписанный им текст.

Но не успел он произнести и слова, как воздух перед ним поплыл, и в следующую секунду Дэн осознал себя сидящим прямо на тротуарной плитке под ослепительно синим небом. Вокруг шумели машины, разговаривали люди, смеялись дети.

Дэн зарычал от боли в глазах и досады от только что совершенной им глупости.

– Ничего, ничего, – как можно бодрее сказал он сам себе. – Спецназ никогда не сдается! Я все равно выполню при-

каз... Тьфу! Проклятье! Да я просто узнаю, что здесь, черт
возьми, происходит!

Пожав плечами, Толик достал из ячейки телефон. Кроме трубки там оказался большой, многократно сложенный лист бумаги.

Толик положил новую трубку на пол и развернул лист.

Это оказалась детальная карта Москвы. Еще не успев толком взглядеться в карту и понять, что означает длинная пунктирная линия, а что – начерченный красным маркером крест – Толик услышал рядом с собой тяжелое дыхание и почувствовал запах перегара.

Подняв глаза, Толик невольно вскрикнул и выронил карту.

Над ним нависали три огромных кабаньих рыла. Заплывшие красные глаза, стекающая изо рта слюна и смрад перегара внушали одновременно и отвращение, и смертельный ужас.

– Ну, что, Толян, пошли дальше пить! – просипело одно из рыл и попыталось ковырнуть в зубах копытом, на котором сверкнули золотом огромные «ролексы». Копыто с трудом умещалось в кашемировом рукаве. Рукав не замедлил треснуть, а рыло произвело длинную рокочущую отрыжку.

Два других рыла заржали.

– Что ты тут прячешь, а? – спросило чудовище в шубе.

– От друзей, собака, прячет, – недобро прокомментирово-

вал кабан в костюме. Невероятным образом пуговицы на нем были все также застегнуты, хотя костюм на мохнатом теле вздулся чуть ли не до звона..

– Давай сюда все, – изрыкнуло из себя то, что еще недавно было бомжом Фокичем, и облизнулось.

Толик непослушными руками протянул чудищам карту.

– И из карманов все! – потребовал Фокич.

– Да пошли вы! – заорал Толик и бросился наутек. Монстры монстрами, но его просто так не возьмешь! Еще чего – карманы выворачивать!

Однако его бегство быстро закончилось тупиком, образованным нагромождением железных ячеек.

Оборотни, казалось, только того и ждали. С диким визгом они бросились на Толика, и тот почувствовал, как копыта болезненно проникают в его карманы.

– Оба-на! – завизжал Фокич. – Смотри, какая мобила! Это золото и брюлики! Я отвечаю! Я нюхом чую!

– Мы и без тебя чуем! – зарычал тот, что был в шубе.

– Где он его взял? – прорычал третий. – У меня точно такой в палатке лежал!

– Он украл! – взвизгнул Фокич. – У нищих друзей украл!

– Давайте замочим его! – прохрипел оборотень в шубе.

– Дайте его мне! – раздувая ноздри, запыхтел кабан в костюме, – Я ему покажу, как товарищей кидать!

– Сожрем его! – брызгая слюной, просипел Фокич.

И все трое бросились на Толика, вцепившись в него ко-

пытами и клыками.

– Помогите!!! – заорал Толик, чувствуя, как его кожа лопается под клыками в жутких поросячьих пастях.

Сквозь вой, визг и хруст донесся твердый голос:

– Всем оставаться на своих местах! Это милиция!

Толика немедленно бросили на пол. Краем глаза он увидел, что его мучители больше не напоминают зверей. Теперь это были все те же бомжи, которых он совсем недавно встретил у входа на вокзал.

А в самом начале коридора из штабелей железных ячеек, уперев руки в бока и символизируя непреклонность закона, стоял Волкоп собственной персоной.

– Нападение на Игрока, «скорую» сюда, – бросил он в плывущую в воздухе рацию и громко произнес. – Всем предъявить паспорта. Проверка регистрации.

– Какая регистрация, начальник? – в один голос запричитали бомжи. От свирепости в их голосах не осталось и следа – одно лишь жалостливое блеение. – Откуда у нас регистрация? Да и куда мы сейчас денемся, из столицы-то? Локализация ведь, едрена-матрена...

– Пусть это вас не беспокоит. Регистрации, значит, нет, – констатировал Волкоп, поднимая от бедра реализатор. – В связи с тем, что нападение на Игрока произошло до объявления правил, вы удаляетесь на сто первый километр. Административное наказание исполняется немедленно.

Бомжи взвыли. Следом раздалось три хлопка, и в воздухе

растаяло три грязные кляксы.

На пол одновременно осели пальто, шуба и костюм. Разумеется, без содержимого.

Теряя сознание, Толик успел дотянуться до лежащего на полу в его собственной крови мобильного...

Сознание вернулось, когда знакомый голос монотонно перечислял:

– Оторванная, пардон – отгрызенная – рука, множественные ранения, нанесенные острыми предметами, скорее всего, клыками, ушибы...

«Это доктор», – понял Толик мутным сознанием.

– Тяжелый случай? – сухо поинтересовался Волкоп.

– Ерунда. Сестра, степлер!

В плече хрустнуло и жуткая боль пронзила тело.

– Сестра, анестезию! Подуйте на рану, я сказал!

Локон волос упал на горящую щеку, и струйка воздуха коснулась раны.

И чудо – боль ушла!

– Сестра, дуйте сильнее!

– Я дую, дую! Но мне что-то под контактную линзу попало! Ой, мама! Доктор, я не могу, это, наверное, тушь... Доктор, посмотрите, у меня тени не размазались?

– Сестра, перестаньте молоть ерунду! Давайте дырокол, скрепки и скотч! А теперь опять дуйте!

Толику казалось, что он бредит. Но сознание постепенно

возвращалось, боль тоже ослабевала.

– Так, сестра, а теперь адреналин.

Толик почувствовал, как на него верхом взобралось горячее женское тело и прижалось к нему отнюдь не дистрофического размера грудью. Адреналин, и вправду, не замедлил ворваться в кровь стремительным потоком!

– Сестра, – укоризненно произнес голос Доктора. – Я просил адреналин, а не тестостерон! Впрочем, плевать... Спирт! Спирт мне, сестра! Сюда, в колбочку...

Тело легко соскочило с Толика, и он почувствовал вновь закипающую в нем жизнь.

– Все, приводите пациента в сознание, – откашлявшись, сказал Доктор.

Толик ощутил на губах сладкий поцелуй.

И открыл глаза.

– Привет, красавчик, – сказала Медсестра и улыбнулась.

– Здравствуйте, – сказал Толик прямо в нависшее над ним декольте.

И сел.

– Ну, вот мы и встретились второй раз, юноша, – сказал Доктор. – Вы в бронежилете родились, скажу я вам.

Они находились во внутреннем дворе вокзала, возле расстрепанных ветром шатров и остатков догоревшего костра.

Доктор стоял, прислонившись к машине «Скорой помощи». В одной руке он держал массивную колбу с прозрачной жидкостью, в другой – скальпель с насаженным на него

огурцом. Медсестра встала и теперь деловито одергивала халатик.

Раздался пневматический хлопок, потянуло сквозняком. Перед глазами Толика возникла хитрая белая драпировка, из-под которой выглядывали ноги в золоченых сандалиях.

– Нарушения правил не обнаружено в следствие отсутствия последних, – флегматично произнес знакомый уже голос. – Игрок Номер один жив. Игра продолжается. Выражаю благодарность силам правопорядка и медицинскому персоналу за своевременные действия по оказанию помощи пострадавшему Игроку...

Раздались жиденькие аплодисменты.

– Спасибо, Арбитр! Ой... – уже в пустоту произнесла Медсестра.

Сильные руки подняли и поставили Толика на ноги. Толик обернулся. Это был Волкоп.

– Поздравляю, – сказал Волкоп, – Вы начали Игру весьма успешно.

– Это называется успешно? – ощупывая себя, пробормотал Толик. Он хотел найти на своем теле скрепки и следы от дырокола, но тело было, вроде бы в полном порядке. И даже «мастерка» на нем была та же...

– Конечно, – ответил Волкоп. – Вы ведь выжили во встрече с агрессивной «лимитой», не имея оружия и спецподготовки. Это не каждому удастся. Я думаю, вы получите призовые баллы от Арбитра.

– Агрессивной «лимитой»? – повторил Толик, поглядывая на Медсестру, что озабоченно разглядывала себя в маленькое зеркальце.

– Да, – подтвердил Волкоп. – Лица без прописки в Волшебной Москве представляют огромную угрозу. Особенно для Игроков.

– Но почему?!

– Потому, что они являются носителями совершенно неподконтрольных сил. Абсолютно не знаешь, чего от них ждать. Где искать – тоже. И разговор потому с ними короткий: зачитал решение – и в расход из реализатора!

– А как же я? – поинтересовался Толик. – Я ведь тоже как бы без регистрации...

Он уже чувствовал себя прекрасно. Никаких последствий недавнего стресса он тоже не ощущал. Что тут скажешь – Игра!

– Ты – Игрок, – пояснил Доктор, – Это достаточное основание для нахождения в Волшебной Москве. Как временная регистрация.

– Правильно, – подтвердил Волкоп. – Против вашего пребывания ничего не имею. При соблюдении правил. И правопорядка, конечно. Впрочем, правила меня тоже особо не касаются. Тем более, что их пока как бы и нет. А вообще – они касаются в основном Игроков с их союзниками да Арбитра. И Магистра, когда найдут прежнего и назначат нового. Что же относительно правопорядка – так телефончик Магистра

правил придется вернуть...

Толик глубоко вздохнул и засунул руку в карман джинсов. Тот оказался пустым.

– Не стоит беспокойства, – сказал Волкоп. – Телефон изъят, о чем составлен протокол, в котором уже стоит ваша подпись.

– Что? – удивился Толик. – Я нигде не расписывался!

– Вы против того, чтобы расписаться в протоколе? – вздернул бровь Волкоп и покачал в воздухе знакомым Толику мобильником.

– Я не против, но...

– Ну, раз не против – то зачем утруждать лишний раз, – солидно сказал Волкоп и спрятал мобильник в планшет. – Он так и решил, что вы не против.

– Кто решил?

– Он. Протокол.

Толик не стал задавать лишних вопросов, опасаясь за собственный рассудок. Его и без того доверху переполняла нелепая информация.

– Ну, ладно... Я пойду тогда, – осторожно сказал Толик и попятился.

– Постойте, – сказал Волкоп.

Толик замер, как вкопанный. Неужели тот догадался?..

– Что Магистр оставил для вас в ячейке камеры хранения? – строго спросил Волкоп и впился в Толика ледяным взглядом.

Толик буквально почувствовал, как этот взгляд сканирует его мозг, мысль за мыслью и ответил дрожащим голосом:

– Э... Вот...

Он указал на разбухшую от его же крови, растоптанную и порванную карту, которую ветер, как бы случайно, прибил к колесу «Скорой». Странно, как она оказалась здесь? Видимо, Толик рефлекторно схватил ее, прежде, чем потерять сознание...

– Тэк, – сказал Волкоп, поднимая и разворачивая карту. – Место вашей встречи с Магистром? Почему он хочет с вами встретиться? Вы ему помогаете?

– Не знаю, почему, – пожал плечами Толик. – Но не помогаю, это точно...

– Врете, – спокойно сказал Волкоп. – Но дела Игроков меня не касаются. Карту же я оставляю у себя.

Волкоп резко повернул голову и залихватски свистнул. Раздался рокот мотора, и к нему в тучах пыли подскочил давешний «харлей». Он с визгом остановился и приветливо мигнул фарой и проблесковыми маячками.

– Желаю удачи! – торжественно сказал Волкоп и вскочил на своего железного друга. Коротко пробуксовав и оставив на асфальте жирный, пахнущий паленой резиной след, мотоцикл с Волшебным Милиционером умчался.

– Какой мужчина! – вздохнула Медсестра.

– Киборг, – пожав плечами, буркнул Доктор и взглянул на Толика. – Как самочувствие?

– Вашими стараниями, – ответил Толик. – Вообще-то, я хотел сказать спасибо... И вам...

Последние слова он адресовал Медсестре. При этом слегка смутился, вспомнив некоторые методы лечения.

– Пожалуйста, – зарделась Медсестра. – Я так рада, что помогла вам. Вы такой милый мальчик...

– Это правда, – флегматично сказал Доктор. – Ей и вправду нравится лечить людей. И, в отличие от меня, она – действительно медсестра.

– А... А вы тогда кто? – настороженно спросил Толик.

– А я – водопроводчик. В настоящей жизни. Только Игра, почему-то решила сделать меня врачом. Смешно, правда?

– Э-э... – не нашел, что ответить Толик. Только принялсЯ тайком ощупывать себя – все ли на месте?

– Хотя, с другой стороны, если взглянуть на это глубже, водопроводчик – тот же врач. Только для домов. Или для Города в целом, если взять глобальнее. Сосудами мы занимаемся, только чугунными. Или кишками, кому как нравится, хе-хе...

Доктор невесело засмеялся. Толик еще раз, на всякий случай потрогал свое «прооперированное» плечо. Плечо было на месте.

– Ладно, я пошел, – сказал он, – Еще раз спасибо.

– В следующий раз постарайся вызвать нас раньше, чем соберешься разваливаться на куски, – сказал Доктор.

– Надеюсь, следующего раза не будет, – содрогнувшись,

пробормотал Толик.

– Ой, и я так надеюсь! – воскликнула Медсестра, и глаза ее заблестели. Казалось, она сейчас зарыдает.

– Я бы, все же, не зарекался, – сказал Доктор, глядя в свою колбу со спиртом. – В любом случае, если что – звони «ноль три». У тебя ведь есть мобильник...

Толик вздрогнул и уставился на Доктора. Но тот только подмигнул Толику и полез в машину.

– До свидания, – прошебетала Медсестра и, подбежав к Толику, чмокнула его в щеку. После чего тоже вскочила в машину.

«Скорая» завывала, замигала и умчалась.

Толик посмотрел ей вслед и почесал в затылке. Потом нагнулся, поднял штанину и достал из носка мобильник.

Тот, второй, что нашел в ячейке камеры хранения.

На экранчике телефона горел знакомый значок sms-сообщения.

Сообщение содержало в себе только набор цифр – телефонный номер.

Толик вздохнул и нажал зеленую кнопку вызова.

– Поздравляю! – немедленно сказала трубка. – Ты идешь довольно быстро. Надеюсь, что во всей Игре тебе будет так же везти, как везло до сих пор...

– Ничего себе – везет, – буркнул Толик. – Что же дальше будет?

– Это будь спокоен, – ответила трубка. – Отдуться при-

дется за всех – ты ведь имеешь некоторые преимущества – вот и расплачиваешься за них...

– А почему...

– Оставь вопросы! Ты не забыл, что с тобой общается автоответчик? Все узнаешь, когда придет время. Твоя задача – выиграть в Игре. Тогда все жители этого города смогут вздохнуть спокойно. Да и ты в накладе не останешься... Впрочем, не будем отвлекаться. Ты должен узнать кое-какие условия Игры. Слушай внимательно...

Толик терпеливо выслушал.

– Запомнил? ои быстрым шагом направился ко входу в здание вокзала.идны многочисленные аляповатые татуировки на волосатых плечах, и молча вы

– Да. Потом еще и запишу...

– Это пожалуйста. А теперь тебе нужно встретиться с одним человеком. Это Архивариус. Он поможет тебе получше разобраться в... гм... ситуации. Запоминай адрес...

Толик выслушал и запомнил.

– И еще, – сказала трубка. – Там, в ячейке еще кое-что есть. Возьми это с собой...

...Толик в недоумении пялился в темную глубину ячейки, но ничего не видел. Тогда он засунул туда руку и принялся шарить по ее пыльному дну. И его ладонь действительно наткнулась на что-то маленькое и легкое.

Это оказался обыкновенный картонный пазл – кусочек какой-то неведомой мозаики.

Дверь открыла высокая худощавая дама в огромных квадратных очках, которая вполне могла бы напомнить Толику старую английскую гувернантку, если б он, конечно, знал, кто они такие, эти гувернантки. Из знакомых ассоциаций возникла старая училка литературы, образ которой отпечатался в сознании в связи с ее, опалившей душу, привычкой ломать указки о никудышные головы учеников. Ее строгое серое платье и затянутые в тугую, до звона, пучок волосы навевали чуланно-могильную тоску.

– Здравствуйте, – чопорно сказала женщина.

Она поправила указательным пальцем тяжелые очки на переносице и отступила в глубину прихожей, уступая Толику дорогу.

– Он ждет вас в гостиной.

Толик прошел скрипучим коридором до гостиной.

Гостиная показалась ему странной. Во-первых, потому что стены ее были сложены из самых натуральных бревен. Бревен массивных, не очень тщательно тесанных, с засохшими подтеками смолы. Потолок, соответственно, был дощатый, укрепленный мощными брусьями. Непонятно, как это могло быть втиснуто в стены обыкновенной «хрущевской» квартиры.

Но самым удивительным было то, что стены эти ближе к

дальним углом были покрыты толстым слоем более, чем натурального инея. С потолочных брусьев свисали сосульки. Только сейчас Толик почувствовал, что в «гостиной» отнюдь не жарко.

Архивариусом оказался худой и жилистый дядька с красным обветренным лицом, окаймленным добротной бородой, больше походивший на бывалого кээспэшника, чем хранителя ветхих архивов. Толик не удивился, когда увидел в углу потемневшую от времени (и, видимо, дыма костров) гитару.

Одет тот был в древнюю дубленую безрукавку поверх фланелевой рубашки и тертые джинсы, штанины которых были погружены в короткие валенки.

Не типичный, в общем, был архивариус.

Сидел он в глубокой задумчивости в плетеном кресле-качалке и кочергой шевелил поленья в пузатой печке-«буржуйке», преспокойно разместившейся посреди комнаты. Рядом с печкой стояла здоровенная колода с воткнутым в нее топором.

– А, вот, наконец, и ты! А мы уж заждались тебя, – взглянув мельком на гостя, сказал Архивариус и подкинул в печку полено, из тех, что в изобилии валялись у его ног.

«Когда это меня успели заждаться? – удивился Толик. – Чудеса-то начались дня три назад, не больше...»

Словно прочтя мысли Толика, Архивариус хмыкнул.

– Да, заждались, – повторил он. – Ты разве не заметил, что в Волшебной Москве время течет не так, как в обычном

мире?

– Нет, – признался Толик. – А чего это у вас стены мерзлые? Не зима ж вроде...

– Видимо, в моей душе всегда снег, – тихо засмеялся Архивариус. – Видишь, каким я стал в Игре? А ведь в той жизни...

Он замолчал, задумавшись. И снова рассмеялся.

– Нет, это все мне и вправду куда ближе. В отличие от многих, я вполне доволен своей личиной. Впрочем, речь не обо мне. Тебя ведь направил Магистр...

– Да.

Архивариус одобрительно покивал головой и кинул в печку еще одно полено.

– Магистр хочет, чтобы я помог тебе разобраться в обстановке. Ввел, так сказать, в курс дела. Хотя – как это сделать? Сам не представляю... Ах, да, что же ты стоишь? – вдруг спохватился Архивариус и вскочил с кресла. Он недоуменно огляделся по сторонам, будто вдруг осознал, что из гостиной воры вынесли всю мебель. Однако не растерялся и, выдернув из колоды топор, ногой пододвинул ее к печке и сделал Толику приглашающий знак рукой.

– Присаживайся. Чай будешь?

– Ага, – безо всякой ложной скромности согласился Толик, вспомнив, что его организм недавно потерял немало крови, – И есть чего-то охота...

– А, ну так это мы сейчас организуем, – хохотнул Архи-

вариус и позвал: – Полина!

Вошла давешняя училка литературы. Если это была жена Архивариуса, то контраст между ними представлялся разительным до комичности. Нарочито туристический и КСПшный облик хозяина никак не стыковался с высушенным унылым лицом хозяйки. Игра вообще не любила сглаживать грани...

– Полина, а ну, чего у нас есть в холодильнике? Приготовь гостю чего-нибудь пожевать. И чаю нам принеси...

Лицо у Полины высокомерно вытянулось, будто говоря: «С какой это стати я буду прислуживать этому оборванцу?!». Впрочем, выражение лица не помешало ей торжественно удалиться в темноту коридора. Видимо, статус Архивариуса позволял тому плевать на высокомерие супруги.

– Курить будешь? – спросил вдруг Архивариус.

Толик отрицательно помотал головой. Странно, но ни одна самая жуткая компания так и не смогла приучить его к курению. Он просто не понимал этого удовольствия. Хотя, признаться, часто жалел об этом и завидовал курящим. Как, например, сейчас, глядя на то, с каким вкусом Архивариус набивал ароматным табаком массивную черную трубку...

Полина подкатила тележку с большими железными чашками, дымящимся чайником и стопкой бутербродов и, поправив очки, бесшумно удалилась.

Толик, не долго думая, принялся за чай и бутерброды.

Архивариус задумчиво отправлял в мерзлый потолок

струи густого пахучего дыма.

– Да, – сказал он. – Странную штуку сыграли с нами братья наши старшие. Странную и страшную. Особенно неприятно быть при этом Архивариусом.

– Почему? – спросил Толик и протянул замерзшие руки к жаркой печке. В одной из них он продолжал сжимать надкушенный бутерброд.

– Да хотя бы потому, что мне приходится больше всех знать о том, что происходит, видеть, как вылезла наружу человеческая сущность. Игра – ведь это штука хитрая. Были бы мы все, скажем, такие положительные и замечательные, как Тимур и его команда, то и не заметили бы ничего. Потому, что нечему было бы показываться наружу. А у искренних людей и так все на виду...

Архивариус вдруг помрачнел и сказал тяжелым голосом:

– Жену мою видел? Она ведь никогда не носила очков. Улыбчивая такая... Она ведь красавица. Фотомодель. Ей восемнадцать.

Толик выронил бутерброд.

– Да. Не верится? Вот и мне не хочется верить, – сухим голосом сказал Архивариус. – И, знаешь, что? Ведь Игра закончится. Я уверен в этом. Все вернется на круги своя. И Полина снова станет красавицей. Но я-то буду помнить...

Толик с испугом косился в темный провал двери, откуда могла появиться восемнадцатилетняя красавица в жуткой маске училки литературы. Трудно, все-таки, привыкнуть к

этим штучкам...

Архивариус встал, подошел к стене и взял гитару. Снова сел в кресло и немного погрел руки у огня.

– Что чай не пьешь? – весело подмигнул он Толику. – Остынет...

После чего, негромко забренчав струнами, хрипловато запел:

*Если бы я знал, что все будет так,
Во всем бы видел какой-то знак.
Если бы я знал, что все так пойдет,
Ходы считал бы я наперед.
Я бы видел в небесах какой-то знак,
И все было, было б
Не так...*

*Если бы я знал, что так может быть,
Не стал бы много я творить,
Если бы я знал, что так может стать,
Пытался б снова сто раз начать.
Я бы видел в небесах какой-то знак,
И все было, было б
Не так...*

*Если б я имел ту колоду карт,
Которая дала б мне любой расклад,
Если бы все знал я и все умел,*

*То песню эту бы я не пел
Я бы видел в небесах какой-то знак,
И все было, было б
Не так...*

Слушая Архивариуса, Толик деликатно, как ему казалось, отхлебывал чай. Песня ему понравилась. И дядька-Архивариус тоже. Вот Полина эта ему не очень понравилась. А потому жалко было Архивариуса, что, небось, для нее, училки ссохшейся, песни и сочинял...

Архивариус поперебирал еще струнами, после чего решительно отложил гитару – прямо на пол – и обратился к Толику:

– Ну, подкрепился? Теперь к делу. Пойду-ка я в архив...

Толик встал и приготовился было идти куда-то в соседние комнаты, но Архивариус жестом остановил его и подошел к стене прямо за спиной гостя. Толик обернулся и увидел большой стеллаж из грубых неокрашенных досок, что был снизу доверху плотно уставлен...

Ноутбуками!

Ноутбуки были самые разные – старинные черные «Ай би Эм» невероятной толщины соседствовали с тонюсенькими серебристыми «Самсунгами» и широкоформатными «Асусами». Впрочем, для такого знатока компьютерной техники, как Толик, достаточно было одного слова – «разные».

На торце каждого из них, словно на корешке книги, были

сделаны какие-то надписи. Судя по всему – гелиевой ручкой на прилепленных кусках лейкопластыря.

Архвариус выдернул один из ноутбуков – как раз черный, пузатый и ужасно тяжелый, судя по напряжению пальцев.

– Вот. То, что нам надо, – сказал Архвариус и, запустив машину, погрузился в чтение, ловко колотя пальцами по клавишам. Копаясь в содержимом компьютера, он говорил:

– Видишь, ли, работа Архвариуса в этой Игре отличается своими особенностями. В частности, тем, что мои Архивы имеют свойство постоянно меняться. Никогда нельзя быть уверенным, что сведения, записанные и сохраненные когда-то, так и будут в том же виде дожидаться на полке часа, когда их найдут и ознакомятся с ними. Вот и сейчас – я понятия не имею, что найду в собственной базе данных...

– А что вы ищите? – поинтересовался Толик.

– Я ищу общие сведения о Волшебном городе Москва, в который превратилась наша любимая столица. Без этих знаний не то, что победить в Игре – трудно попросту выжить...

– А что, разве что-то изменилось в городе? Кроме людей? Этих... Личин?

– Пойми, Толик. Изменилась сама реальность. Той, знакомой всем нам Москвы уже нет. Есть совершенно чужая страна... Если хочешь – Волшебная страна – со своими законами и правилами поведения в ней. И это – помимо специальных, которые должен установить – но все еще не установил – Магистр для Игроков.

Я не знаю, откуда в моем архиве берутся все эти сведения. Будем считать, что это – магия. И мой доступ к этим сведениям определен статусом Архивариуса в Игре. Я, например, даже не знаю – должен был я быть здесь изначально или меня попросту придумал Магистр правил, чтобы я мог что-то тебе объяснить...

– Вас могли придумать? – поразился Толик.

– Конечно, – кивнул Архивариус. – При определенных навыках и обладании магической силой придумать можно практически любого... персонажа. Магия, понимаешь, ли. Но речь сейчас не об этом. Скажи мне, какие правила открыл тебе Магистр? Или это только предварительные указания?

– А... Вы знаете, что он что-то мне сказал? – удивился Толик, не зная, впадать ли в подозрение по поводу чрезмерной осведомленности Архивариуса. После пережитых страхов подозрительность Толиковых демонов выросла кардинально.

Архивариус тихо рассмеялся и, не отрывая взгляда от ноутбука, отхлебнул чая из железной кружки.

– Я узнал это только что, – сказал он. – Все, что происходит в Волшебном городе, неизменно попадает в Архив. То есть, ко мне. Вот я и читаю:

ПРАВИЛА ИГРЫ

откроются Игроку №1, когда тот найдет Магистра правил.

Ключом в поиске Магистра будут сложенные вместе Части Целого.

Толик медленно засунул руку в карман и «пазлик», найденный в ячейке камеры хранения. Это и есть Часть целого? Похоже на то...

Архивариус, между тем, продолжал читать.

Завладевший всеми частями целого сам становится Игроком №1 с вытекающим из этого преимуществом – первым узнать правила.

Для завладения частями целого не устанавливается никаких ограничений...

– Э... – перебил Толик Архивариуса, – Я вот спросить как раз хотел: что значит – «не устанавливается никаких ограничений?»»

– Это значит, что ради того, чтобы стать Первым, тебя могут устранить, как ненужную преграду. Попросту – убить...

– А, – сказал Толик и нервно кашлянул. – Спасибо за ин-

формацию.

– Не за что, – ответил Архивариус. – Я продолжаю:

Цель Игры – найти Магистра правил. Нашедший считается победителем.

Победитель на один час получит полные магические способности.

– И что? Это все, что получит победитель? – пожал плечами Толик. – Ради чего кишки рвать-то?

– Во-первых, хотя бы ради того, чтобы остаться в живых, – ответил Архивариус и судорожно вздохнул. – Для тебя есть только два варианта: победить, пользуясь своими преимуществами, или погибнуть, уступив свое место более сильному...

– Почему обязательно погибнуть?

– Потому, что только так твой соперник сможет сменить свой статус на статус Игрока номер один. Неужели ты этого не понимаешь?

– Не очень... Неужели эти магические способности, да еще – всего на один час – того стоят?

– Ты меня удивляешь. Толик. Конечно стоят. Для простого смертного – это путь к исполнению самых невероятных желаний. Это власть над людьми и стихиями. Час пройдет – но его плоды останутся и после окончания Игры... Ты историю в школе учил?

– Я и школу-то с трудом помню...

– Прости. Но ты ведь знаешь, сколько в истории было удивительных случаев, когда люди внезапно обретали власть, славу и деньги? Когда из тюрем и «шарашек» вдруг, казалось бы, безо всяких усилий, возносились на вершины политики и науки? Подумай об этом на досуге... Впрочем, с досугом у тебя скоро будет туго...

Да, и дослушай до конца:

Отдельные Части Целого можно найти, выполнив поручения Магистра правил, данные по телефону Игроку №1.

– Ну, вот, – сказал Архивариус. – Теперь твоя очередь рассказывать и задавать вопросы.

Толик тоскливо огляделся и полез в карман джинсов за бумажкой, на которой он нацарапал произнесенную автоответчиком Магистра фразу. Достав ее, он откашлялся и медленно прочитал:

– «Иди в метро»

– И все?

– И все.

– Ну, это как бы рекомендация. Или приказ. А само поручение-то где?

– Это все.

– Хм... – сказал Архивариус. – Не густо. Магистр, види-

мо, решил не утруждать себя сложными формулировками.

– Я только не пойму – что мне в метро-то делать? – пожал плечами Толик.

– Ну, я так думаю, что искать Магистра или эти самые Части Целого, – пожал плечами Архивариус. – Может, там ты и узнаешь, наконец, правила, из-за отсутствия которых Арбитр сейчас пребывает в полнейшем недоумении. Выходит, ты сам должен понять, что имеется в виду. И, наверное, понять это можно только там...

– Но что такого можно понять в метро? – скривился Толик. – Просто метро, как метро. Поезда, станции...

– Погоди, погоди, – нетерпеливо поднял руку Архивариус, – Вот тут, видимо, тебе и я понадобится. В качестве источника информации. Видишь ли, в Волшебной Москве не осталось «просто» чего бы то ни было. Все здесь пронизано первобытной магией, без налета привычного нам поля реальности. И все здесь стремится к новой, более гармоничной и подходящей для этой обстановки самоорганизации. Э, да я вижу, ты не понимаешь ничего? Я объясню проще.

Нет больше такого города – Москва. На период Игры, по крайней мере. Ведь у нашего города было особое назначение, и только поэтому он принял ту форму, к которой мы привыкли – это была столица государства. Того, что теперь осталось в другой реальности. Сейчас же мегаполис превращается не в новый город, нет. Теперь это целая Волшебная страна! Неспроста ведь выбрали именно Москву для прове-

дения Игры. Здесь все настолько кипучее, настолько разное и противоречивое, что маги не могли выбрать лучшего места для своих... хм... экспериментов.

– Для полигона, – пробормотал Толик.

– Что? – не понял Архивариус.

– Да, так, ничего, – спохватился Толик.

Ну, я продолжу, – сказал Архивариус. – В общем, так: по данным Архива к настоящему времени на территории Москвы образовалось несколько маленьких, но совершенно разных по своей сути стран. Да-да – стран, государств, народов – со своими правителями, своими устоями и законами.

Вот, чего далеко за примерами ходить – Орда, полукочевое государство, возникшее на территории Черкизовского рынка. Типичная восточная деспотия. Не знаю, как выглядят сейчас его обитатели, какие личины они приняли. Но у этой страны, согласно данным Архива, есть особенность – она стремится к постоянному изменению своей территории. Она может исчезнуть в одном месте и возникнуть в другом, может легко поглотить более слабые пространства... Ну, и так далее...

Министерства и ведомства, скажем, превратились в небольшие агрессивные княжества и ведут теперь борьбу за сферы влияния в Волшебной Москве... Из них самое опасное и агрессивное – Княжество Госбезопасности. Оно считает себя главным в Москве и стремится к тотальному контролю...

– А, эти, в черном! – воскликнул Толик, вспоминая недавнюю встречу.

– Ты уже сталкивался с ними? – нахмурился Архивариус.

И Толик рассказал о своем бегстве с Казанского вокзала. Архивариус только мрачно покачал головой.

– Ну, вот, – сказал он. – В покое теперь тебя не оставят, это уж можешь быть уверен. Это расплата за твое преимущество в близости к Магистру. Боюсь, что тебе придется очень не просто.

Толик легкомысленно кивнул и взял с тарелки еще один бутерброд.

– Пошли дальше... Ну, коммерческие организации, стали чем-то вроде феодальных владений. Про ВУЗы вообще говорить не хочется... Впрочем, перечислять можно много. Интересный факт: ни одного религиозного образования на период Игры городе нет! Все конфессии маги сразу оставили за чертой этой реальности.

– Зачем?

– Догадайся сам, если сможешь. Я лично считаю, тут дело в противоречии духовных начал религии и магического Духа этой реальности. В общем, не знаю. Тебя больше должно заботить твое метро.

– Ну?

– Баранки гну. Метро – это одно из самых загадочных и опасных мест Волшебной Москвы. Архив толком не может сказать однозначно, что это – по-прежнему транспортная

сеть или тоже новая страна, только подземная. Боюсь, что выяснять это тебе придется самому. В этом, видимо, и есть задача, поставленная тебе Магистром. И не забывай правило – «заставь страх работать на себя».

– Так как понимать это правило?

– Магистр считает, видимо, что информации он дал достаточно... Я не знаю, что добавить к этому...

– А может, плюнуть на все и не лезть в это вонючее метро? – предположил Толик.

– А вот этого, боюсь, сделать уже нельзя. За Игроком номер один уже идет охота. И даже назначена награда...

– К-кем?

– А той самой Госбезопасностью. Кстати, она известна еще и тем, что не любит оставлять свидетелей. Поэтому тебе, чего бы это ни стоило, следует победить в этой игре. И как можно скорее...

– То есть, найти Магистра правил?

– Точно.

Толик зевнул и встал.

– Ну, тогда я пошел?

– Ну, иди, – усмехнулся Архивариус и вдруг стал нарочито серьезным:

– Мы все верим в тебя. Что победишь именно ты.

– А какая разница, кто победит?

– Магистр не зря отдал предпочтение тебе. Он знал, что делал. Если победит другой, история СНОВА может повер-

нуться к людям не тем боком. Как не раз уже бывало... Впрочем, не стоит об этом сейчас думать. Иди.

– Товарищ, генерал! Прибыл американский военный советник, – адъютант был бледен, он с надеждой ловил взгляд генерала.

– А, черт бы его побрал! – скривился генерал, будто от зубной боли. – Зови!

Через несколько секунд в палатку вальяжной походкой вошел джентльмен в штатском. Выглядел тот весьма бодро и обстановку палатки разглядывал с легкой иронией.

«Вот ведь, чуёт преимущество, – внутренне нерадостно усмехнулся генерал. – Знает, что нам опять придется оправдываться»

– Здравствуйте, господин генерал, – почти без акцента сказал американец. – Я думаю, теперь мы сможем обсудить проблему с глазу на глаз...

– Прошу садиться, – кивнул генерал и сделал приглашающий жест рукой.

Они сели в специально для этого случая реквизированные у какого-то подмосковного бизнесмена кресла. На инкрустированном столике стояли дорогие напитки, рядом наготове был адъютант. Он стоял бок о бок с крепким темнокожим парнем, что сопровождал советника и буквально излучал высокомерие и силу.

– Так я начну, – удобно расположившись в кресле, заго-

ворил советник. – Соединенные Штаты озабочены тем, что происходит в Москве. Не скрою, наши спутники показывают странную картинку... Впрочем, дело не в картинке. Дело в том, что на территории Москвы исчезло и не подает признаков жизни более тысячи американских граждан. И это только государственные служащие, не говоря о туристах и студентах. Среди тех, кто уже довольно долго находится вне всякой связи, между прочим, и американский посол. Должен заметить, кстати, он приходится родственником нашему президенту...

Генерал болезненно поморщился:

– Вы совершенно зря беспокоитесь. У нас просто перебои со связью. Все с вашими гражданами в порядке...

– У нас другие сведения, – отрезал американец. – Вы не контролируете ситуацию не только в столице, но и в собственной стране. Это создает угрозу для мировой безопасности...

Лицо генерала стала заливать краска. Адъютант, косясь на темнокожего соседа, инстинктивно потянулся к кобуре: генерал приходил в ярость. Впрочем, когда надо, тот мог контролировать собственные эмоции.

– Что вы этим хотите сказать, советник? – холодно спросил генерал. – Что Америка намерена вмешаться в наши внутренние дела?

– Это уже не совсем внутренние дела... Но ничего такого я не говорил, – подняв руки, примирительно произнес аме-

риканец, уловив настроение собеседника. – Я просто хотел бы получить больше информации. И это только для того, чтобы совместными усилиями разрешить ситуацию.

Генерал помолчал некоторое время, разглядывая сверкающие носки собственных ботинок. В ботинках отражалось искаженное лицо парня сопровождающего советника. Выглядело оно жутковато...

Наконец, генерал вымученно улыбнулся и сказал:

– Что ж, при условии, что вы примите на себя обязательство сохранять конфиденциальность, мы обрисуем вам ситуацию. Я бы даже сказал – ситуевину...

...Кольцо блокады вокруг Москвы было беспрецедентным. Такого не было под Берлином во время одноименной операции. Вся работоспособная техника округа, была согнана и сформирована в эшелоны обороны, а в случае необходимости – и наступления. То, что не в состоянии было двигаться самостоятельно – доставили на тягачах и вкопали в землю. На безопасном расстоянии вокруг столицы кружили истребители и даже пару стратегических бомбардировщиков – «на всякий случай».

По всему периметру день и ночь работали сформированные по принципу «СМЕРШ» спецотряды – с единственной целью: предупредить хождение из города и утечку информации.

В строжайшем секрете к столице были доставлены само-

ходные тактические ядерные установки.

Все, что в стране могло держаться на плаву – было отправлено в море. Все, что могло еще всплывать – погружено в пучину.

Страна замерла в ожидании страшного удара – ведь ее сердце уже кто-то сжимал сильной и безжалостной рукой...

На фоне этого напряжения военной мощи странно выглядел небольшой отряд американского спецназа, что верхом на «хаммерах» змейкой тянулся теперь в сторону МКАД. Его только что доставили с одной из европейских баз на паре транспортных «геркулесов» по договоренности с российским командованием.

– А нехай едут, – задумчиво глядя вслед американцам, сказал генерал. – Товарищи офицеры, вы свидетели: мы честно и полно... ну, практически... обрисовали, э-э... коллегам... ситуацию. Что ж, пусть они попробуют что-нибудь узнать. В конце-концов, может, чудо... Кстати, полковник, вы подготовили мобильную группу?

– Так точно, товарищ генерал. В случае, если с янкосами, тьфу, с американцами, я хотел сказать, будет установлена связь, группа врывается в город и перехватывает инициативу...

– Замечательно. Только в этом случае, я прошу – без грубости.

– Да мы аккуратно...

– Ну, да. Знаю я вас. Аккуратно – это заровнять все до

горизонта из «градов». И чистота!

– Ну, что вы!..

– Ладно, ладно... Они пока до границы Локализации не добрались, а мы уже шкуру делим...

Раздался писк полевого телефона. Один из полковников схватил трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.